Падение божества

Автор:
Холли Рене

Падение божества

Холли Рене

Pink room. Парни из Клермон-Бэй #2

Продолжение горячего романа "Прикосновение негодяя" для поклонников Меган Брэнди, Айви Смоук и Эммы Чейз! Идеальный роман для летнего чтения.

Более 4000 оценок на Гудридс, Топ Амазона в нише New Adult.

Невинная. Чистая. Наивная. Сломленная.

Джози Вос принадлежала к той семье, которую я ненавидел больше всего на свете. И у меня не было другого выбора, кроме как заставить ее презирать меня.

Я нарушил все планы, влюбился в своего врага, но это уже не имело значения. Разгневанная моим обманом Джози не собиралась ничего исправлять. Она молча наблюдала за тем, как я теряю свой трон.

Я должен был оставить ее в покое и закрыть глаза на прошлое наших семей.

Я этого не сделал. Я собирался сражаться за нее, даже если теперь вся власть принадлежала ей.

Холли Рене

Падение божества

Holly Renee

THE FALL OF A GOD

© Holly Renee 2021

Иллюстрация на обложке © Holly Renee

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Джози

Город был полон чудовищ, представляющихся людьми. Но в конечном итоге они показали, кто они есть. А мы, остальные, заплатили за это высокую цену.

Я думала, что знаю, когда змеи лгут. Думала, что готова, но я была дурой. Худшим из них был Бек Клермон. Он обвился вокруг меня и полностью завладел мною, перед тем как вонзил в меня свои клыки, и я ничего не смогла поделать.

Я стала частью его плана, ибо это было предназначено мне с самого начала. Он хорошо знал свою роль. Он злодей, а я девушка, которую он обманул – без раздумий и сомнений.

Только об этом я и могла думать, когда сегодня утром одевалась и причесывалась. Я поддернула юбку повыше и подвела глаза чуть темнее, чем обычно, но эти мелочи приободрили меня.

Если он хотел выставить меня шлюхой, то я испоганю весь его гребаный мир. Я стану той шлюхой, которая лишит его всего, что он когда-либо хотел получить.

Прошла неделя после того, как он запостил в инстаграме видео с нами, в аккаунте, который бейсбольная команда приготовительной школы Клермон-Бэя ведет много лет. Об этом мне рассказала Элли. Аккаунт ведет капитан команды, его использовали, чтобы оценивать девушек: насколько они привлекательны, по мнению команды.

По словам Элли, хорошо, что это видео доступно только подписчикам этой страницы, но ведь его увидели не только Бек и я, и это просто ужасно.

Я отдала Беку часть себя – девственность, и я была в ужасе. Рассержена. В бешенстве. Вне себя от ярости.

Мне не хотелось встречаться с Беком Клермоном и видеть его гребаное самодовольное лицо.

Но мой отец настоял на том, чтобы я отправилась в школу. Он требовал, чтобы я вернулась туда. И неважно, что я умоляла о переводе в старшую школу Клермон-Бэя, но отец был непреклонен: его дочь не станет учиться в государственной школе, сказал он, ведь ему не все равно, что делает и что не делает его дочь. Судя по тому, что я услышала из спора между ним и Эмилией, он не собирался позволять такое неуважение к его семье. Для него это что-то вроде пощечины. Я никогда не видела его в таком гневе. Я прежде не боялась его.

Но, когда мы вышли из дома Бека, отец меня напугал: он не скрывал своего гнева, когда мы садились в его машину, и я могла думать только о предательстве Бека, а он мог думать только о том, что его предала я.

Лукас обнимал меня, пока я плакала. Отец кричал на меня, обвиняя в глупом поведении, и я знала, что заслужила его гнев. Я и впрямь вела себя глупо и была полной идиоткой.

Но не было нужды выслушивать то, что он хотел сказать, и слушать нотацию о том, что, доверившись Беку, я совершила ошибку. Это и так ясно всем.

Все ясно видели то, что он сделал со мной. Я даже не знала, можно ли назвать это предательством, ведь он как-никак с самого начала понимал, что делает. Я была лишь частью его плана, только и всего. И неважно, что я позволила себе думать иначе.

Как же мне не хватало матери. Она тоже разочаровалась бы во мне, в этом я не сомневалась, но она знала бы, как это исправить и как мне помочь. И она помогла бы мне не так, как это сделал мой отец.

Он закрыл доступ к этому видео уже через два часа и связался со своими адвокатами еще до того, как мы вернулись в его дом. Я не понимала, что это могло дать, потому что ущерб, который нанес мне Бек, нельзя исправить.

Это стало очевидно, когда я шла по коридорам приготовительной школы Клермон-Бэя. Судя по тому, как все смотрели на меня и шептались у меня за спиной, можно не сомневаться, что каждый учащийся этой школы просмотрел видео с моим участием.

Я-то посмотрела его сотню раз и злилась все больше и больше. И при каждом просмотре у меня возникало чувство, будто я тону и никогда не смогу отыскать путь на поверхность.

Видео было без звука, но и так ясно как день, что происходило. Я лежала на краю бассейна, на мне только мокрый бюстгальтер. Тело Бека загораживает от камеры большую часть моего тела, но это неважно.

Его голова между моими ногами, мои пальцы вцепились в его волосы, я умоляю его о большем. И нет нужды в звуке, чтобы понять, о чем я прошу, потому что это ясно читалось по моему лицу и по тому, как двигалось мое тело.

Видео короткое – всего двадцать три секунды, но этого достаточно, чтобы стало ясно, что именно происходило между ним и мной и чего я не могла видеть. Они могли рассмотреть все куда лучше, чем я, всю картину полностью, а я видела только его. Я была всего лишь пешкой в его игре, которую он использовал для удовлетворения извращенного чувства мести.

И что он сказал тогда в своей комнате? Что Лукас сделал то же самое с Фрэнки, и даже хуже. Тогда я была слишком зла, чтобы услышать его, но с тех пор я

могла слышать только это. Если Лукас сделал то, что сказал, если он напал на Фрэнки, то почему продолжает жить так, как жил. Я не могла понять, как такое нападение могло остаться без последствий.

Когда я попыталась сказать об этом отцу, он прекратил разговор еще быстрее, чем распространение того видео. Он и так уже разозлился из-за произошедшего, а тут вообще вышел из себя оттого, что я посмела поверить тому, что сказал Бек. И я понимала почему. Этот парень только что разрушил мою жизнь. Он трахнулся со мной, обманул мое доверие, забрал мою девственность, а я продолжала прислушиваться к тому, что он говорил. Я продолжала верить ему, а не тем, в ком текла моя кровь.

Бек – лжец, жестокий и низкий, и неважно, что он выглядел искренним, говоря, что он не сливал видео в Сеть. Я знала, что это вранье, хотя мое сердце и говорило обратное.

Все во мне хотело, чтобы происходящее оказалось всего лишь чем-то вроде кошмара. Мне не верилось, что Бек способен на такую жестокость, тем более когда я начала западать на него. В голове не укладывалось, что происходящее может быть правдой.

Глупые мысли! Я и оказалась в этом положении как раз потому, что была глупой девчонкой. С тех пор как я повстречалась с Беком, стало понятно, что ему нельзя доверять. Черт побери, он сам сказал мне об этом. Но я не хотела этого слышать.

«Потаскуха». Пытаясь не обращать внимания на это оскорбление, я протискивалась к своему шкафчику. Мне плевать и на этих людей, и на их мнение. Вот что я собиралась себе сказать! Мне нет дела до этих людей, и я забуду о них, когда отец наконец отдаст мне ключи от дома моей матери. Впрочем, я и до этого не позволяла им парить мне мозги.

Я набрала комбинацию замка своего шкафчика и открыла его. До второго урока мне не придется иметь дело с Беком, но на первом уроке я столкнусь с Кэми. Неизвестно, чего от нее ожидать, но я знала, что не готова к встрече. Она так добра ко мне, а я трахалась с парнем, который то ли ее бойфренд, то ли нет.

Мне плохо не потому, что Бек сломал меня, а потому, что меня переполняет слепящая ярость. Мне должно быть по барабану, что думает Кэми и что она

почувствовала, увидев это видео. В моем сознании нет места ни для нее, ни для ее чувств.

И если она в самом деле так близка к Беку, как она внушала всем, я не могла представить, что она не в курсе, что он делал со мной. Она должна была знать, что он использует меня, что я часть его игры и что он собирается сделать. От этой мысли моя ярость усилилась.

Я чувствовала, как все, кто проходит мимо, смотрят на меня. Для них я всего лишь занимательное зрелище, увлекательная тема для сплетен, и мне хотелось наорать на них, уничтожить всех, разрушить маленькую, безупречно устроенную жизнь каждого из них, но от этого мне никакого толку.

Единственным человеком, об уничтожении которого мне следовало бы беспокоиться, был Бек Клермон. Он разбил меня вдребезги, и я хотела сделать то же самое с ним. Более того, я хотела заставить его испытать те же чувства, которые он внушил мне, а затем ткнуть лицом в грязь.

Я взяла из шкафчика учебник и, выпрямившись, направилась на урок. Ученики уступали мне дорогу, и это меня даже радовало.

Когда я вошла в класс, там воцарилась зловещая тишина, но я сделала вид, будто ничего не замечаю. Шла, высоко держа голову, мимо столов, за которыми сидели сплетничающие говнюки, и пыталась всем своим видом показать, что мне скучно на них смотреть.

Не раздумывая, я села на место, на котором сидела с тех пор, как начала учиться в этой школе. И мне плевать, что оно рядом с Кэми. Я не испугаюсь и не отступлю.

Она уже сидела на своем месте, когда я села, и я не посмотрела на нее, хотя и почувствовала на себе ее взгляд. Если ей есть что сказать, то пусть выскажет. Это могут сделать все. Но обращать на них внимание первой я не стану, нет.

– Ты что, серьезно? Ты и правда хочешь здесь сидеть? – ехидно спросила Кэми еще до того, как я успела достать из рюкзака тетрадь.

Я посмотрела на нее: такая же невозмутимая, как всегда. Непохоже, что она расстроена из-за бойфренда, который ей дорог, и у нее разбито сердце.

– Вот именно, хочу. – Я достала из рюкзака тетрадь и ручку, слыша перешептывание одноклассников.

– Убирайся, мерзавка! – твердо сказала Кэми, а я открыла тетрадь. Мне надо продолжать хорошо учиться, если я хотела получить то, что осталось мне от моей матери и что сейчас удерживал в руках мой отец. Я не дам им украсть у меня мое будущее, ведь это единственное, что у меня есть.

Я приготовила школьные принадлежности, а потом взглянула на Кэми. Она такая красивая, и я знала, что она это знает. Она королева, а я для нее пыль, как и для него.

Она хорошо сыграла свою роль. Я в этом уверена, потому что никто из этих ребят никогда не бывал искренним.

– Иди в жопу, Кэми! – За моей спиной кто-то потрясенно ахнул, но мне было все равно. Я почувствовала, как у меня вспыхнуло лицо, и видела только одно – это чертово видео, проигрываемое опять и опять.

На лице Кэми отразилось потрясение, как будто она, как и остальные, ожидала, что я сломлена. Но они примотались не к той девушке – я не такая, как они думали. Я не из тех, кто сдастся просто потому, что они решили, будто победили меня. Я не позволю им обращаться со мной так, будто я чем-то хуже их.

– Что ты сказала? – Она огляделась по сторонам, и я поняла, что она проверяет, смотрят ли на это остальные. Кэми никогда не делала того, что не давало ей возможности пустить окружающим пыль в глаза.

– Не стану повторять! – Глядя перед собой, я устроилась поудобнее на своем стуле.

– Мне следовало понять по твоей фамилии, что ты дрянь.

Я не понимала, почему ее слова так напрягали меня. Моя фамилия произвела на нее немалое впечатление несколько недель назад. Она была для нее важнее, чем я сама.

Я поднялась и увидела проблеск страха в ее глазах, когда подошла к ней. Кэми считала, что она лучше всех, но это вовсе не так. Она такая же, как и все остальные. А может, еще более пропащая.

Я положила одну руку на стол, другой оперлась на спинку ее стула и придвинула лицо к ее лицу.

– Тебе хватает наглости называть меня дрянью. – Ее глаза сузились, но я еще не закончила. Я понизила голос, чтобы меня слышала только она: – Пусть мы обе трахались с Беком, но в отличие от тебя я не трахаюсь с женатым мужчиной.

Ее глаза потрясенно округлились, и я поняла, что она не ожидала, что мне это известно. Но ее мимики достаточно, чтобы понять: так оно и есть. Ей было не по себе оттого, что я это знаю. Она оглядела класс, но здесь нет никого, кто готов спасти ее.

Я не собиралась никому рассказывать, чем она занимается, но была готова использовать эту информацию, если она не оставит меня в покое. Я не стану служить ей боксерской грушей, когда она заслуживает всеобщей ненависти.

– Кто тебе это сказал? – Ее голос дрожал, и мне стало почти жалко ее.

– Похоже, мы обе доверяли не тому парню. – Я отошла от ее стола и, не говоря ни слова, вернулась за свой.

Больше она не сказала ни слова. Не издала ни звука. Но это не остановило перешептывания. А когда я отворачивалась, они отводили взгляды. Это раздражало, и я обрадовалась, когда прозвенел звонок. Вышла из класса и, не глядя ни на кого, пошла в туалет.

Я пробыла в школе только один урок, но уже была растеряна, и мне как-то не по себе. А на следующем уроке мне придется иметь дело с Беком. Он будет здесь с безупречным лицом, с безупречным телом и с жестоким гребаным сердцем. Я

могла без проблем справиться с девчонками вроде Кэми, но я не знала, смогу ли я противостоять ему.

Как бы мне ни хотелось быть смелой, он сломил меня, и вот я собираюсь сидеть и делать вид, будто все это меня не колышет.

Неважно, что он звонил мне и писал после того, что произошло. Сначала он попросил меня выслушать его, дать возможность объясниться. А затем написал просто: «Прости меня». Его извинение было лживым, и мы оба это знали.

Я не дам ему возможности что-то там объяснять, потому что, даже ненавидя его, знала, что он мне небезразличен, его вид и слова по-прежнему действовали на меня.

Я посмотрела в зеркало, подставив руки под струю холодной воды. Я смогу ему противостоять. Знала, что смогу.

Я могла бы надеть маску, как это сделал он, и скрыть свои чувства. Надо только сегодня продержаться, завтра будет легче. Если я могла иметь с ним дело раньше, то смогу и теперь. Я глубоко вздохнула и выключила воду. Ты можешь это сделать, Джози!

Я не напугана. Если он хочет внушить мне страх, то у него ничего не выйдет. Я не боюсь его – я его ненавижу. Ненавижу всеми фибрами души.

Быстро высушив руки, я толкнула дверь туалета, едва не столкнувшись с Фрэнки. И застыла, встретившись с ней глазами. Она открыла рот, как будто хотела что-то сказать, затем поспешно закрыла. Понятия не имею, что она вообще может сказать. Даже если то, что сказал о ней Бек, правда. Она должна понимать, что то, что сделал Бек, неправильно. Если он считал, что Лукас – это зло, то сам он тоже был злом.

Но часть меня знала, что это не одно и то же. Если то, что он сказал про Лукаса, правда, если Лукас в самом деле напал на Фрэнки, все равно то, что сделал Бек, не шло с этим ни в какое сравнение.

И неважно, что мне было больно и я хотела заплатить Беку за ту боль, которую он мне причинил. При виде Фрэнки я чувствовала только одно – печаль, такую же, какую видела сейчас в ее глазах. То, что пришлось пережить Фрэнки, наложило на нее печать. Достаточно посмотреть ей в глаза, чтобы увидеть это. Она хорошо умела скрывать свои чувства под маской, но не так хорошо, как ее брат.

– Извини. – Я протиснулась мимо нее, и она улыбнулась.

Я догадывалась, что она хочет что-то сказать, и у меня тоже было желание поговорить, спросить ее, правда ли то, что сказал о ней Бек, но я не решалась задать ей вопрос.

Несмотря на то что нехватка правдивой информации разъедает меня изнутри, я не стану подвергать ее такому испытанию только затем, чтобы поднять себе настроение.

Я стиснула лямки рюкзака и, высоко держа голову, пошла на второй урок. Даже не видя Бека, поняла, что он в классе. Я почувствовала это. Посмотрела на его место: действительно он здесь. Похоже, он зол, раздражен, и это только рассердило меня еще больше: он не имел права чувствовать злость из-за чего бы то ни было. Он не имел права ни на какие чувства, если речь шла обо мне.

Все остальные смотрели на нас и молчали, пока я шла к своему столу. Интересно, так будет весь день? Станут ли они и дальше следить за тем, что я делаю?

Приготовительная школа Клермон-Бэя токсична, но я знала: дело будет обстоять точно так же, даже если я переведусь в старшую школу Клермон-Бэя. Элли сказала мне, что там тоже все говорят о том, что произошло. Я понимала, что ей тошно об этом говорить, но она была честна со мной. Большинство тамошних учеников, включая ее, тоже видели это видео, и, когда я вернулась домой и взяла в руки телефон, увидела, что набралось по меньшей мере пятьдесят текстовых сообщений от Элли.

Она хотела узнать, как я. Сначала она написала, чтобы удостовериться, что я знаю об этом видео. Потом предупреждала, что ролик слит в Сеть и о том, что все не так страшно, как я думала. Элли старалась быть доброй и милой, но дело

обстояло именно так плохо, как я и думала, и доказательства были налицо. Я оторвала взгляд от Бека и направилась к своему месту за его спиной.

Когда я шла мимо Бека, на его лице отразился шок. Но я не стану от него прятаться. Только не после того, что он сделал. Если он хотел гордиться тем, что погубил жизнь девушки, то ему придется выказывать свою гордость и дальше, имея с ней дело каждый день. Я не позволю ему отделаться так легко.

Мое сердце пустилось вскачь, когда я, достав учебники из рюкзака, увидела, что Бек повернулся лицом ко мне, но я не стала смотреть на него. Я тут ради урока, и только.

– Джози! – Его голос был тих, и я видела: ему ясно, как и мне, что все слушают его.

Я окинула взглядом его лицо, прежде чем посмотреть ему в глаза. Красив, как всегда! Кажется, ему все нипочем, думаю, так оно и есть.

Людям все равно, что на этом видео был и он. Это даже делало его кем-то вроде божества. А я всего-навсего потаскуха, которую он покорил. Для них существовало лишь черное и белое, без промежуточных оттенков.

Но он падет, точно падет, и все поймут, что он никогда и не был неприкасаемым. Он такой же, как и все.

Я встретилась с ним взглядом и не сказала ни слова. Если ему хочется поговорить, то пусть начинает сам. А мне нечего ему сказать.

– Мы можем поговорить?

– Мы и так говорим.

Он прикусил нижнюю губу, и я поняла, что он хочет сказать что-то еще. Но при всех он этого не скажет. Они боготворили его, и он не решился бы это изменить.

– Джози, я… – Он выглядел таким искренним, и мне стало тошно оттого, что сердце будто сжали тиски. Несмотря на то что он сделал, в его золотистых

глазах читалась обида, и этого было почти достаточно, чтобы я растерялась.

– Не смущайся, Джози, мы уже все видели. – Не знаю, кто это сказал, послышался смех, и я тут же пришла в себя.

Бек сразу же пристально посмотрел на того, кто произнес эти слова, но мне не было до этого дела. Я не могла унять ни мое бешено бьющееся сердце, ни щипание в моих глазах. Нет, я не стану плакать, не покажу, до чего меня довели.

Я открыла тетрадь, ручка дрожала в моей руке.

– Джози. – Бек опять произнес мое имя и на этот раз положил свою руку на мою, словно ему не плевать, что она дрожит, как будто ему не плевать на меня.

Я отдернула руку и дала волю гневу.

– Чего ты хочешь, Клермон?

Его взгляд стал жестче, и я поняла, что он начинает злиться. Вот и хорошо. Я справлюсь с его злостью. Справиться с ней мне куда легче, чем со всем остальным.

– Я хочу поговорить о том, что произошло! – Он больше не шептал.

– А теперь все угомонитесь! – Я едва слышала учительницу, и Бек тоже. Он смотрел мне в лицо и ждал, что я отвечу. Но ему не понравится то, что я скажу.

– Мне нечего тебе сказать. Вообще ни хрена! – Послышалось несколько смешков, и только теперь я увидела, что учительница идет к нам.

– Мисс Вос, я же сказала, чтобы вы угомонились. – Ее голос был тверд, но мне плевать, что она там говорит. Мне не до нее, когда Бек продолжает так смотреть на меня.

– Зато мне надо многое тебе сказать! – Беку явно было тоже плевать.

– Ни слова! – Наша учительница уже была рядом.

– Разве у тебя нет девушки, с которой ты можешь поговорить? – Я склонила голову набок. – Мне казалось, что со мной ты просто трахаешься, потому что у тебя стояк на моего сводного брата.

– О черт! – Это прозвучало у меня за спиной, и одновременно послышались охи и ахи.

– Мисс Вос, довольно! Соберите свои вещи.

Я оторвала взгляд от Бека и посмотрела на учительницу – она была вне себя.

Я засунула вещи в рюкзак и стала ждать, когда она напишет записку директору школы. Мое сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди, но не из-за учительницы и не из-за возможных последствий моей вспышки. Мне было плевать и на нее, и на них.

Я взяла записку и вышла из класса, даже не посмотрев на Бека. Записка смялась в моем кулаке, пока я тщилась обуздать свой гнев.

И почему я ожидала чего-то другого? Но я не предполагала, что он попытается разобраться со мной прямо на уроке, хотя это и в его духе. Он считал себя неприкасаемым и думал, что ему удастся выбраться из этой ситуации без последствий, и, пожалуй, при обычных обстоятельствах так оно и было бы.

Но он ошибался. То, к чему привыкли здешние парни, было неприемлемо. А я не желала вести себя как тряпка. Мне было плевать, чем он руководствовался. Мне было плевать, как он оправдывает себя.

Я услышала, как открылась дверь за моей спиной, но не остановилась, продолжала идти по коридору, не оглядываясь. Почувствовав прикосновение к плечу, я повернулась. Это был Бек, он стоял, протянув ко мне руку, и я отстранилась, прежде чем он успел коснуться меня еще раз.

– Нам надо поговорить.

– Нет, не надо. – Я уперлась спиной в шкафчики, и мне стало тошно от его близости. Если бы я могла оказаться сейчас на другом конце света!

– Ты должна знать, что я не постил это видео.

Я не поверила ни одному слову и покачала головой, уставясь на него. Каких слов он ждет от меня? Я ни за что не поверю ничему, что он скажет, только не после того, что он сделал.

– Это неважно.

– Как это – неважно? – Он злился, но мне плевать на его злость. – Я не хотел, чтобы все так получилось.

Он взъерошил пальцами волосы, и подавляющей части меня захотелось коснуться его. Я хотела забыть все, что произошло, и дотронуться до него. Но нельзя быть такой дурой. Нельзя забывать, что он сделал.

– Тогда в чем состоял твой план, Бек?

Он бросил на меня отчаянный взгляд.

– Я… – Он замялся, и я поняла, что у него нет оправданий. – При нашем знакомстве я планировал именно это, но потом все изменилось.

– Ничего не изменилось, – почти что прорычала я. Как он смеет стоять здесь и делать вид, будто я когда-либо была для него чем-то большим, чем пешка.

– Черта с два! – Он придвинулся ко мне, и я не успела среагировать. Именно об этом я и говорила себе. Я не смогла бы его оттолкнуть, даже если бы хотела.

Его тело врезалось в мое, он не боялся причинить мне боль. В его прикосновении не нашлось ни капли нежности, когда он схватил меня за подбородок и повернул мое лицо к себе. Его прикосновение было жестким, свирепым, и я попыталась утихомирить бешено колотящееся сердце, глядя, как он быстро шарит глазами по моему лицу.

Я открыла рот, чтобы велеть ему остановиться, но он не дал мне такой возможности – его рот мгновенно завладел моим. Его поцелуй оказался таким же свирепым, как и он, и у меня не осталось выбора – пришлось позволить ему отчаянно целовать меня.

Меня окружило тепло его твердого тела, и невозможно пытаться заблокировать его запах и те чувства, которые вызывали у меня воспоминания о нас. Я не стала бороться ни с его запахом, ни с его прикосновением, ни с тем, как он пьянил меня. Я не мешала этому, с последствиями я разберусь потом, потому что это все слишком сладко. Даже после того что он сделал, я хотела его куда больше, чем прежде кого-либо другого. От этой мысли затошнило, я была вне себя, но почему-то по-прежнему хотела его. И это совершенно ненормально!

Он причинил мне боль, но в то же время он был единственным, благодаря которому все стало лучше. Он единственный, кто мог заставить меня забыть. Я забыла, пусть и ненадолго, что он сделал, забыла, что у меня никого не осталось. Я забыла, что моей матери больше нет, а моему отцу на меня наплевать.

Я провела языком по его языку в последний раз, прижалась губами к его губам. Этот поцелуй так не похож на наш последний. Целуя его в прошлый раз, я думала, что западаю на него. Теперь же я понимала, что никогда не позволю себе запасть на него опять.

Я уперлась ладонями в его грудь и изо всех сил оттолкнула его. Он отступил, и на лице его отразилось потрясение.

– Не прикасайся ко мне! – Я расправила плечи и вытерла рот.

Знала, что не смогу противостоять ему, если позволю прикасаться ко мне. Его прикосновение – катастрофа, которая уничтожит меня. Я не желала потеряться в Беке Клермоне и позволять ему использовать и обманывать меня, как он делал раньше.

Он считал, что он бог, неприкасаемый, несокрушимый, но я докажу ему, что он неправ. Он падет от моих рук, рухнет с тех позиций, которые ему дала эта школа, и я заберу назад каждую частицу моего сердца, которую он украл у меня.

Глава 2

Бек

Понятия не имею, о чем я вообще думал. Я портил все направо и налево. Знал, что в конце концов она вернется в нашу школу, и мысленно распланировал, что именно я ей скажу. Я повторял про себя эту речь опять и опять, пока мой отец орал на меня. И я чувствовал себя почти таким же виноватым из-за того, что разочаровал его, как и из-за того, что причинил ей боль. Его злость была жгучей, безмерной, я видел, что противен ему. Он не верил тому, что я говорил, как этому не верила и Джози. Он тоже считал, что это я запостил видео.

И неважно, что я способен это сделать. Неважно, что именно таким и был мой план. Я планировал уничтожить ее репутацию таким образом с самого начала и одновременно привести в ярость ее отца и Лукаса. Я думал, что ее отец обвинит в случившемся Лукаса. Если бы Лукас не сделал того, что сделал с Фрэнки, ничего этого бы не произошло.

Но это было неправильно.

Я ни под каким видом не оставлю ее, что бы ни произошло. Она была слишком прекрасна и так не похожа на остальных в этом городе. Ей плевать, что я Клермон, и совершенно не волнует, сколько у моей семьи денег. Я любил это в ней. Ну, может, не то чтобы любил, но это было мне по душе.

И неважно, как она реагировала, когда я сегодня поцеловал ее. Она была так податлива в моих руках. Ощущение такое, будто не произошло ничего, что могло уничтожить нас. Словно не я сам уничтожил нас. Казалось, что остальной мир не имеет значения, но я знал, что это чувство мимолетно и наивно.

Она видела только меня, и я воспользовался этим и заставил ее увидеть и всех остальных. Заставил ее понять, что мы двое не единственные в мире. Я заставил ее понять, что я не тот парень, который станет защищать ее от остального мира. Я разрушил ее представление обо мне, не оставил от него камня на камне. Я увидел это в ее глазах, когда она оттолкнула меня. Боль была ясно написана на ее лице.

Если на эти короткие мгновения я позволил себе забыть о том, кто я, она этого не забыла. Она точно знала, кто я, и от этого мне было тошно. Конечно, что я ей не пара, хотя и убедил ее в обратном. Но теперь, когда я отчаянно хотел получить ее, она знала правду и понимала, что в ее истории я всего лишь злодей. Парень, которого она должна ненавидеть. Я вынудил ее возненавидеть меня. Именно этого я и хотел, но теперь происходящее казалось мне неправильным. После того вечера у бассейна я решил, что не стану постить это видео. Но я позволил Лукасу проникнуть мне в голову, и моя ненависть к нему оказалась сильнее моих чувств к ней.

Я посмотрел на свой телефон и снова прочел его сообщение:

«Клермон, держи свои грязные лапы подальше от моей сестры».

Как будто ему есть до нее дело. На самом деле он просто хотел подмазаться к отцу, а я знал, что, если он не убережет Джози, это ему не удастся.

Но он ее не уберег. И я хотел, чтобы он это узнал. Я хотел ткнуть его носом в тот факт, что его сестра хотела меня, что бы он там ни говорил. Она запала на человека, которого он ненавидел больше всего на свете. Я знал, что для него это далеко не так горько, как для меня весть о том, что он сделал с Фрэнки. Когда-то я верил ему, но теперь между нами не осталось ни капли доверия. Но мне хотелось, чтобы он почувствовал это.

Я хотел, чтобы он подавился тем фактом, что обе они, и Джози, и Фрэнки, принадлежат мне, что они неуязвимы для него. Но я дал ему беспрепятственный доступ к ней. Отправляя ему видео, которое уже решил уничтожить, я дал ему в руки силу и власть, а такие люди, как Лукас, никогда не тратят силу и власть впустую.

Я думал, что он сделает все, чтобы уберечь ее, но с моей стороны это было идиотством. Лукасу плевать на всех, кроме его самого, и он знал, какой урон нанесет это видео, и был уверен, что все, включая Джози, подумают, что это сделал я.

И, разумеется, так оно и произошло. Как кто-то мог подумать, что ее гребаный сводный брат пойдет на такое? Большинство слышали о нашей истории, и, как бы наши отцы ни старались ее замолчать, в нашем городе секреты быстро выходили наружу, и все здесь ожидали от меня чего-то вроде этого. Они ожидали, что я отомщу, и никто не ставил это под сомнение. И никто меня в этом не винил. Никто, кроме Джози, ее отца, моих родителей и Фрэнки. Господи, Фрэнки…

Она возненавидела меня за то, что я сделал. Да, видео опубликовал не я, но дал Лукасу возможность свершить нечто слишком близкое к тому, что он сделал с Фрэнки.

Я видел, как Фрэнки смотрела на меня сейчас. Она ненавидела меня так же сильно, как и его. Ей стало понятно, что я способен на низость, и это разбило ей сердце.

Она никогда не позволила бы мне так поступить, если бы узнала мой план. Именно поэтому я ей о нем и не сказал.

Думаю, в глубине души я понимал, что она не желает, чтобы я тратил на Лукаса Воса хоть одну секунду. Она разозлилась на меня, когда я избил его после того, что он с ней сделал.

Несмотря ни на что, она по-прежнему считала его тем, кем он никогда не был. Она не хотела, чтобы из-за случившегося я прекратил нашу дружбу или кто-то пострадал из-за тех глупых решений, которые она приняла.

Я доверял ему, думал, что на этой дурацкой вечеринке он будет оберегать Фрэнки, а он воспользовался ею. Она почему-то решила, что сама в этом виновата.

– Ты готова? – Я смотрел поверх капота моей машины, как она выходит из дома.

Я знал, что Фрэнки роскошная девчонка. Я ее брат, но я не дурак. Однако меня бесило, как говнюки в школе смотрели на нее. Я не хотел, чтобы кто-то из них коснулся ее. Особенно после всего того, что произошло. Я подвел ее, хотя и был ее братом, и теперь думал об этом каждый день. Тошно смотреть, что ее улыбка больше не доходит до глаз.

– Да! – Она кивнула, прежде чем сесть на пассажирское сиденье.

Сестра давно не соглашалась, чтобы я возил ее в школу и обратно. Какое-то время она считала себя слишком крутой, чтобы появляться в обществе старшего брата, но последнее время ей было все равно, а я хотел, чтобы она находилась как можно ближе ко мне. Я хотел держать ее как можно ближе к себе и как можно дальше от Лукаса. Он подло воспользовался ею, и я не хотел, чтобы она вновь оказалась рядом с ним.

Понимаю, что не смогу уберечь ее от всего, но я так ее подвел, что мне никак нельзя допустить, чтобы что-то случилось с ней опять.

– Я видела сегодня, что Джози снова в школе. – Она пристально смотрела на меня, пока я выезжал с парковки.

– Да. Я тоже ее видел. – Я не сказал, что из-за меня ее отправили к директору и что я поцеловал ее у шкафчиков. Фрэнки ни к чему это знать.

– Ну и как все прошло? – В ее голосе звучало неподдельное любопытство.

– Думаю, она ненавидит меня. – Я фыркнул, хотя в этой ситуации не было ничего смешного.

– Вот и хорошо.

– Хорошо?! – Я не согласен с такой оценкой. – Не хочу, чтобы она ненавидела меня. Хочу, чтобы она простила меня.

– Пусть ты и не хочешь, но ты это заслужил. Я рада, что она не простила тебя.

– Ты должна быть на моей стороне, но ведь ты и сама это знаешь, да?

– Я на твоей стороне. – Она кивнула и набрала что-то на своем телефоне. – Но я и на стороне тех, кто считает, что ты законченный говнюк и должен унижаться, если хочешь, чтобы она простила тебя.

– А ты прощаешь меня? – Я отвел взгляд от дороги и взглянул на нее.

– Я всегда прощаю тебя, Бекхэм. – Она улыбнулась и положила телефон в карман пиджака. – Но я, вероятно, прощу тебя еще быстрее, если ты отвезешь меня в клуб поесть пломбира с фруктами, орехами и шоколадным сиропом.

Я закатил глаза и засмеялся. За сладости Фрэнки можно уговорить на что угодно.

– Мы можем это сделать.

Мы приехали в клуб, и я заметил машину Джози. Я не видел ее после нашего разговора в коридоре и понимал, что именно этого она, вероятно, и хотела. Она не желала иметь со мной ничего общего. Хотя, поддавшись минутной слабости, она и позволила мне поцеловать ее, это ничего не значило. Ничего не значило для нее. Но для меня значило слишком много, потому что мне отчаянно хотелось сделать это опять.

После того, что произошло с нами, я отчаянно мечтал прикоснуться к каждому дюйму ее тела и доказать, что я не такой, как она думает. И неважно, что я как раз такой, способен быть таким и даже хуже, намного хуже, но мне хотелось доказать ей, что это не так.

Она смотрела на меня как на дьявола, некогда именно этого я и хотел, но сейчас я сделал бы все, чтобы это было не так.

Мы вылезли из моего кроссовера, и Фрэнки взяла меня под руку. Идя в зал ресторана, мы не зашли в кабинет моего отца, ведь он, вероятно, занят, к тому же я не в том настроении, чтобы выслушивать еще одну нотацию.

– Давай сядем снаружи. – В это время дня зал ресторана по большей части пустовал, но я знал, что там сейчас находится Джози, она вряд ли хотела бы меня видеть.

А я не хотел ставить ее в неловкое положение на ее работе, ведь в школе все и так уже пошло в жопу. Из-за ее возвращения, сплетен гребаного быдла в школе и болтовни Лукаса обо мне все вообще пошло в жопу.

– Хорошо. – Мы прошли через зал и сели за столиком под тем, что оставалось от летнего солнца.

Вскоре из зала вышла Элли и улыбнулась нам. Я пошарил глазами за ее спиной – нет ли там Джози. Мне плевать, если она сочтет, что я отчаянно желаю ее подругу, потому что так оно и есть. Я отчаянно хотел ее всю.

– Привет! Что вам принести? – Элли улыбалась, и, глядя на нее, никто бы не догадался, что я только что обманул ее подругу. Если Элли и зла на меня, она этого не показывает. Ее заученная улыбка выглядит приветливой.

– Я хочу пломбир с фруктами, орехами и шоколадным сиропом, дополнительный сироп и стакан молока. – Фрэнки даже не посмотрела в меню. Мы ели здесь с рождения и знали его наизусть.

– Мне то же самое. – Я кивнул, но не перестал высматривать за стеклом темно-каштановые волосы. – Джози здесь?

Я знал, что мне не стоило спрашивать. Стоило промолчать и не впутывать Элли, но я ничего не мог с собой поделать.

Элли замялась, затем медленно кивнула. Улыбка сползла с ее лица. Она больше не хотела ничего говорить мне о своей подруге. Она всегда была добра ко мне, но она очень предана своей подруге. – Ты хочешь, чтобы я ей что-то передала?

– Нет. – Я забарабанил пальцами по подлокотнику и посмотрел на дверь. – Мне просто любопытно.

– Хорошо. – Элли отступила на шаг, и я почувствовал, что она изучающе смотрит на меня. Наверняка сейчас она пытается понять, куда я клоню. – Я скажу, чтобы приготовили ваш пломбир.

Она исчезла за дверью, и я заставил себя отвести глаза. Затем опять посмотрел на Фрэнки, которая наблюдала за мной, и улыбнулся.

Я знал, что она не купилась ни на секунду.

– А где Олли и Карсон?

– Карсону понадобились новые бутсы, и Олли поехал с ним.

– А почему ты не с ними? – Она склонила голову набок.

– Потому что я здесь, с тобой. – Я поставил локти на стол и поглядел на нее. Она так похожа на меня, что даже немного страшно. Единственное настоящее различие между нами заключалось в том, что я – вылитый отец, а она унаследовала мягкость нашей матери.

– Мама хочет знать, где мы сейчас. – Она постучала по экрану своего телефона. – Похоже, из-за тебя она следит за нами обоими, как коршун.

Я фыркнул, но она права. Моя мать почти так же взбешена тем, что произошло, как и мой отец, но, сердясь, она вела себя не так, как он. И из-за этого я всегда чувствовал себя куда более виноватым.

– Ты сообщила ей, что мы в ресторане?

– Да. – Фрэнки кивнула. – Мама сказала, что они с папой встретятся с нами здесь.

Я сделал глубокий вдох. Ну конечно! Отец знал, что Джози рядом, и не доверял. И я не мог его за это винить.

– Пока они еще не подошли, скажи мне, кто этот парень, который слонялся рядом с твоим шкафчиком?

Мой вопрос явно поставил Фрэнки в тупик, и это было так мило.

– Ты о Майке? Он мой напарник по лабораторным работам.

– Напарник? – Я откинулся на спинку стула и ухмыльнулся. – Это что, кодовое слово для обозначения бойфренда?

Я всего-навсего дразнил сестру, и она это знала. После Лукаса Фрэнки не проявляла внимания ни к кому из парней.

– Разумеется, нет. – Она выпрямилась на своем стуле в тот самый момент, когда появилась Элли, неся два стакана молока. – Я не питаю к нему такого интереса.

Элли молча поставила наши стаканы на стол, и мы поблагодарили ее, прежде чем она удалилась.

– А к кому-то другому? Ты думала, с кем ты могла бы пойти на зимний бал?

В нашей приготовительной школе зимний бал – большое событие. Куда значимее, чем обычный ежегодный школьный бал из тех, которые проводили в других школах. Его устраивали каждый год в каком-нибудь шикарном месте, и он был слишком сногсшибательным для каких-то там подростков. В этом году, став одиннадцатиклассницей, Фрэнки впервые могла участвовать в нем, это что-то вроде обряда посвящения.

– Вряд ли я пойду.

– Почему? – Большинство девушек с нетерпением ждали этого чертова бала с девятого класса.

– Потому! – Она произнесла это так, будто одно это слово объясняло все. – Никто не захочет пойти со мной. К тому же, по-моему, это отстой.

Это невыносимо, что она так думает. Любому парню польстило, если бы она выбрала его.

– Мы пойдем туда вместе.

Она посмотрела на меня так, будто я сошел с ума.

– Я и так уже выгляжу достаточно жалко. Я не пойду на бал со своим братом.

– Ничего ты не жалкая, – почти прорычал я. Ничего не бесило меня больше, чем тот факт, что она думает так. Ничего не бесило меня больше, чем сознание того,

что я причастен к тому, что у нее появились такие мысли.

– О чем вы? Что вам кажется жалким?

Мы с Фрэнки подняли глаза, услышав голос отца. Они с мамой шли по внутреннему дворику, держась за руки, и хотя отец становился все слабее, он все равно выдвинул стул, чтобы мама села.

– Фрэнки говорила мне, что на бейсбольном поле она переплюнет меня, но ты видел эту ее пародию на бицепсы?

Фрэнки улыбнулась, и я понял: она рада, что я сменил тему. Теперь ей невыносимо говорить о себе, но еще невыносимее слушать, как о ней говорят наши родители. Это заставляло ее чувствовать себя слабой, невидимой, а я знал об этом только потому, что как-то раз после ужина застал ее плачущей.

– У Фрэнки отличные бицепсы. – Мать наклонилась, поцеловала Фрэнки в лоб, затем посмотрела на наши стаканы. – Нам подадут десерт?

– Да, подадут. – Фрэнки улыбнулась, когда появилась Элли, неся пломбир.

– Здравствуйте, мистер и миссис Клермон, что вам принести? – Элли улыбнулась моим родителям, и на сей раз ее улыбка была искренней на сто процентов.

– Привет, Элли! – Отец улыбнулся ей. – Я могу получить мой обычный бургер и картошку фри?

– Конечно.

– Мне то же самое и стакан воды. – Мама окунула палец в мой шоколадный сироп и облизнула его.

– Хорошо, сейчас принесу.

Как только Элли ушла, родители переключили внимание на меня.

– Я слышала, что Джозефин пришла сегодня в школу.

Мать скрестила руки на груди и наклонилась к столу. Вот что мне особенно нравилось в ней: она не была дотошной приверженкой приличий и фальшивого жеманства.

Она ожидала от нас хороших манер, но никогда не требовала, чтобы мы вели себя идеально.

– Где ты это услышала? – Я заерзал на стуле. Взгляд матери на мгновение встретился с взглядом Фрэнки, но и этого было довольно. – Значит, это ты, Фрэнки?

– Что? – Она всплеснула руками.

– Надеюсь, ты держался в стороне от нее. Ты же знаешь, что после того, что ты сделал, ее отец вышел на тропу войны.

– Я этого не делал, – в сотый раз сказал я. Мои родители впервые не верили мне. Отец сказал, что меня снедает ярость, и он был прав, но я не делал того, в чем меня обвиняли.

– Ты не ответил на мой вопрос. – Мама устремила на меня один из своих взглядов, который всегда пугал меня.

– Ты не задала мне никакого вопроса.

Мой отец фыркнул, а мать продолжила:

– Сегодня ты держался в стороне от нее?

– А ты поверила бы мне, если бы я сказал да? – Я скрестил руки на груди.

– Вероятно, нет. – По крайней мере, она откровенна.

– Тогда нет. Я не стал держаться от нее в стороне.

Моя мать закатила глаза и стукнула по руке отца.

– Бек, мы уже об этом говорили. Что бы ни произошло, ты должен держаться в стороне от Джози. Ее отец недоволен.

– Ее отец может поцеловать меня в зад.

Фрэнки рассмеялась, но папа не присоединился к ней. Он был серьезен. По его мнению, страха перед ее отцом достаточно, чтобы заставить меня держаться в стороне от Джози, но он ошибался.

Мне плевать, что, по мнению Джозефа Воса, он мог погубить меня, и плевать, что, по его мнению, я пытался погубить его дочь. Он пригрел змею на своей груди. Его драгоценный пасынок способен на многое, и ему сойдет с рук, что он запостил видео с Джози точно так же, как до этого видео с Фрэнки.

Мне хотелось бить его опять и опять, пока он не утратит способности говорить. Но родители велели мне держаться в стороне и от Лукаса. Я могу общаться с ним только во время тренировки по бейсболу или на игре. Отец знал, что, когда я вижу Лукаса, мне хочется расквасить ему рожу.

Когда я сказал родителям, что не постил то видео, в их глазах отразилось сомнение. И оно только усугубилось, когда я обвинил в этом Лукаса. Отец остался при своем мнении, даже когда я показал, кому отправил видео. Он решил, что я просто пытаюсь перевести стрелки на Лукаса и свалить свою вину на него. Наверняка Джози тоже так думает.

Вся наша бейсбольная команда имела доступ к аккаунту в инстаграме. Я не мог солгать, что такого доступа у меня нет. Видео имелось на моем телефоне, и было очевидно, что это я его записал.

Мой план оказался глуп, а сам я гребаный идиот, так как не подумал о последствиях, когда отправил запись Лукасу. Я невероятно злился на него и переспал с его сестрой. Только это и имело для меня значение. Мне следовало учесть, что Лукас ни перед чем не остановится. Он ни за что не позволил бы выйти после отправки видео сухим из воды. Не знаю, как я вообще мог ожидать от него чего-то другого, ведь хорошо знал, кто такой Лукас Вос. Он подтвердил это. Мне не удалось бы добраться до него через Джози. И неважно, что их отец

разочаровался бы в нем из-за того, что он не позаботился о ней. Ему было плевать на сестру, да и на всех.

– Ты же понимаешь, что он мог подать на тебя в суд, не так ли? Это могло бы разрушить твою жизнь.

– После того, что Лукас сделал с Фрэнки, с его стороны глупо даже пытаться. – Мне было тошно говорить это вслух при сестре, и я увидел, как ее поза чуть заметно изменилась после моих слов.

– Здесь не место для таких дискуссий, – сказала мать, и тут на террасу вышла Элли, за ней следовала Джози.

Мое тело замерло. Я не ожидал, что увижу ее здесь, тем более несущую заказ моим родителям. Элли поставила напитки и приправы.

Джози не смотрела на меня, но приветливо улыбалась моему отцу, и я гадал, насколько это тяжело для нее. Возможно, она считала, что он так же жесток, как я, или думала, что вся моя семья такая.

– Привет, Джози! – На лице отца написана такая же неловкость, как и та, которую испытывал сейчас и я.

– Привет, мистер Клермон! – Взгляд Джози скользнул по мне, затем остановился на моей сестре: – Привет, Фрэнки!

– Джози, это моя жена, Элла.

Джози поставила перед матерью тарелку и улыбнулась натянутой улыбкой, и я понимал, что ей, наверное, хотелось бы оказаться за тридевять земель отсюда. Зачем Элли попросила ее принести заказ?

– Рада с вами познакомиться, миссис Клермон.

– А мне приятно познакомиться с тобой. – Улыбка моей матери была искренней и печальной, и я знал: она хочет извиниться перед Джози. Ей стыдно за меня, за то, что я, по ее мнению, натворил. И я ее не винил.

Джози повернулась и пошла прочь, ни разу не посмотрев на меня. Я понимал, что мне не следует за ней идти, но ничего не мог с собой поделать. Мне хотелось прокричать ее имя и потребовать, чтобы она выслушала меня. Она совсем рядом, до нее можно дотянуться, но я не мог коснуться ее.

Я отодвинул стул, и мать коснулась моей руки: «Бек!» Я понимал, что мне следует послушать ее. Я только что разрушил жизнь Джози, к тому же она на работе. У меня нет права с ней говорить. Но я не мог заставить себя остановиться и последовал за ней, зная, что она видит меня в стекле. Джози шла уверенно и быстро, не оглядываясь. А вот Элли повернулась и посмотрела на меня так, будто я сошел с ума, и, возможно, так оно и есть.

Джози зашла на кухню, будто думала, что это остановит меня. Ну нет, я не боялся войти за ней и выставить себя дураком. Мне плевать, что обо мне могут подумать. Джози единственная имела для меня значение.

– Джози, пожалуйста, подожди!

Не отвечая, она шваркнула поднос на стол и схватила с полки стакан. Она двигалась по кухне с таким видом, словно меня тут нет, но ее движения были резкими и полными бессильного гнева. Элли старалась не смотреть на меня, явно испытывая неловкость.

– Что мне сделать? – в бессильной досаде спросил я. – Прости, мне жаль, это понятно? Но я не постил видео.

Джози стиснула стакан, который наполнила водой, ее спина напряглась. Она повернулась, уставилась на меня, и, клянусь, я видел, как в ее глазах вспыхнул огонь. Эта девушка не желает иметь со мной ничего общего. Глядя на меня, она испытывает только гнев, а от ее прежних чувств ко мне не осталось и следа. И не имело значения, что сегодня в школьном коридоре она ответила на мой поцелуй.

Я сделал то, что намеревался сделать, – разрушил жизнь Джози Вос, и она ненавидела меня за это.

– Убирайся! – Ее голос был спокоен, но в нем звучала угроза.

– Я не уйду, пока ты не поговоришь со мной. – Я скрестил руки на груди и прислонился к столу. Джози взбешена, это понятно, но она должна поговорить со мной. Она должна меня выслушать.

– Бек, я думаю, тебе надо уйти, – сказала Элли, но я проигнорировал ее слова. Я был занят другим – смотрел в прекрасные глаза Джози, в которых горело желание прикончить меня.

Когда я познакомился с ней, она казалась очень похожей на своего отца, но теперь, глядя на нее, я понимал: она совсем не такая, как он. И неважно, что у нее его глаза и такие же темно-каштановые волосы. Все в ней другое.

– Ты хоть слышала, что я сказал о Лукасе, когда мы были в моем доме? – Я знал, что нас могут слышать другие, ну и пусть!

– Не впутывай в это Лукаса. – Она продолжала пристально смотреть на меня. – Будь мужчиной и возьми на себя ответственность за то, что ты натворил.

– Ты права. – Я вскинул ладони. – Я совершил ужасную ошибку. Если бы мог, я отыграл бы обратно и вернулся к тому, что у нас было…

– У нас ничего не было! – В ее голосе слышалась ярость.

– Это неправда! – Я чувствовал такую же злость.

Она рассмеялась, и я понял, что она вот-вот психанет на глазах у коллег. Ей придется иметь с ними дело каждый день, и я видел, как они смотрят на нее. Они знали, что произошло. Это знали все.

– Ты сошел с ума, Клермон! – Она поставила стакан.

– Тогда почему ты поцеловала меня сегодня? – Я знал, что мне не стоило этого говорить. Надо уйти и дать ей успокоиться, но в ее присутствии я не мог мыслить рационально.

– Это ты меня поцеловал. – Она ткнула в меня пальцем. – И я думаю, теперь уже совершенно ясно, что последнее время я совершила несколько глупых ошибок.

– Значит, я ошибка? – Если мыслить рационально, она права. Как она может смотреть на меня иначе чем на свою ошибку?

Ее доверие ко мне – ошибка. То, что она позволила мне прикасаться к ней, тоже. То, что я позволил себе запасть на девушку, которая была лишь частью плана моей мести, – огромная ошибка.

– Лукас предупреждал меня, чтобы я не доверяла тебе.

У меня пресеклось дыхание.

– Ты утверждаешь, что Лукас – чудовище, однако даже он понимал, что ты токсичен.

Она двинулась мимо меня, но я схватил ее за руку. Она была так близко, нежный аромат ее духов пьянил… Что я сделал с ней! Что я сделал с нами!

– Лукас ничего обо мне не знает. – Теперь уже нет.

– Зато я знаю.

На мгновение огонь ярости в ее глазах погас, она стояла такая грустная. Мне хотелось обнять ее, утешить, убедить, что она достойна куда больше того, что ей мог дать любой из нас, потому что так оно и есть.

Я хотел ее, но не заслуживал ее. А она не заслуживала того, что любой из нас готов заставить ее пережить. Джози слишком чиста для Клермон-Бэя. Это гребаное место готово изменить ее, как оно изменило Фрэнки.

– Тогда ты должна знать, что я совсем не такой, как он.

Джози вырвала руку, я увидел, как она схватила стакан, но не сразу понял, что она собирается сделать. Холодная вода окатила мое лицо, прежде чем я успел произнести хотя бы одно слово. Она намочила мне волосы и попала в глаза. Я

услышал смех.

– Не смей прикасаться ко мне! – Джози исчезла за дверью.

Глава 3

Джози

Школа была настоящей пыткой. Я всячески избегала Бека, но, даже когда его не видела, все напоминало о нем и о том, что он сделал. На каждом уроке кто-то шептался обо мне всякий раз, когда я выходила в туалет. Моим единственным прибежищем стала библиотека.

Вчера и сегодня я избегала Бека. Да, я говорила, что не стану прятаться от него, но не могла просто сидеть и делать вид, будто ничего не произошло. Я смотрела в окно, у которого сидела, и постукивала по учебнику карандашом. Я понятия не имела, что делаю. Не только с Беком, а вообще. Я понятия не имела, что делаю здесь. Вся моя жизнь казалась одним огромным вопросом, и непонятно, как ответить на него. Такое чувство, будто я вращаюсь, и неясно, где верх, где низ.

Мне казалось, что я все понимаю, но я ошибалась. Ошибалась насчет всего. Я не знала, что будет со мной дальше и чего я хочу. Я не хотела находиться в школе с Беком и не хотела находиться дома с отцом и Лукасом. Спасение я искала в работе, но даже она не в состоянии мне помочь. Бек нашел меня и там. Он был повсюду. Я видела его в окно. Бейсбольная команда тренировалась, бегая по полю, и я заметила, что он выкладывается по полной: бегал усерднее и быстрее, чем остальные, и, кажется, дело именно в старании, чем в таланте. Похоже, он так же потерян, как и я. Но мне плевать.

Меня не волновало, что на уроках он только и делал, что пристально смотрел на меня. А еще приходилось чуть ли не убегать из класса, лишь бы не разговаривать с ним. Его пристальный взгляд не действовал на меня. Он просил прощения, но я пропускала его извинения мимо ушей. Я больше не реагировала на Бека Клермона – просто не могла себе этого позволить. Сломленные девушки не могут позволить себе такую роскошь, уж что-что, а это я знала наверняка. Он

сломал меня, и, что бы я ни делала, как бы ни пыталась занять свой ум, я думала только о нем и о том, как мне не хватает матери. Как же я тоскую по ней!

И внезапно, перестав думать о Беке, я почувствовала, что начинаю разваливаться на куски. Минута за минутой я чувствовала, как распадаюсь, и единственным способом, позволявшим мне сохранять здравый рассудок, было сосредоточение моего внимания на ненависти к нему.

Я опять посмотрела на игровое поле – команда уже направлялась в раздевалку. Впереди шел Лукас, и было видно, что он выложился так же основательно, как Бек. Он вспотел, и я видела изнеможение на его лице. Я мало что знала о командных видах спорта, но все же странно, что Бек и Лукас состоят в одной команде. Команда, в которой никто не поддерживает друг друга, наверняка потерпит поражение.

Отец сказал мне, что в этом году они хотят выиграть чемпионат штата. Для Лукаса это очень важно. Я полагала, что победа важна для всех парней, но мне казалось, что задача стоит невыполнимая. Просто не могла представить себе, как они вообще способны что-то выиграть вместе.

После всего того, что Бек сделал, чтобы отомстить Лукасу, после того, как он зашел так далеко, как они могут выносить друг друга, не говоря уже о том, чтобы поддерживать? Это ясно даже по тому, как они покидали поле: Лукас шел впереди, а Бек тащился сзади, рядом с ним шли Олли и Карсон, и эти трое разговаривали друг с другом, очевидно, что Лукаса Бек избегал.

Возможно, теперь, когда он отомстил, они оставят все это. Бек получил что хотел. Он сделал со мной то, что, по его мнению, должен был, и я поплатилась за его жестокость. Я жертва в его игре, но, возможно, этого достаточно, чтобы они прекратили свою вражду.

Даже если Бек не желал видеть во мне ничего, кроме того, что я ношу фамилию Вос, мне плевать, потому что он показал себя во всей красе. Он преподал мне полезный урок, разоблачив себя, и я никогда этого не забуду, как бы мне того ни хотелось.

Бек засмеялся какой-то шутке Олли, затем скользнул взглядом по окнам библиотеки. Я не знала, может ли он видеть, что происходит внутри, но все

равно опустила глаза и уставилась в учебник, хотя до этого не могла сосредоточиться на нем.

Я подняла глаза, и его взгляд встретился с моим. Он снимал футболку через голову, вытирая ею пот, но его взгляд по-прежнему был устремлен на мое окно, словно он ясно видел меня. Школа располагалась в старом здании с массивными оконными рамами, но он не мог ясно разглядеть меня. Мое сердце бешено колотилось, когда я закрыла тетрадь, потому что Бек явно направлялся в мою сторону, забыв о своих друзьях. Ну нет, я ни за что не позволю, чтобы он увидел, что я не отрываю от него глаз, как какая-нибудь дура, томящаяся от неразделенной любви.

Я вообще не знала, что они будут рядом, когда пришла сюда, а явилась в библиотеку в поисках уединения, чтобы убежать от всего. Но похоже, я никогда не смогу убежать от него. От него невозможно спрятаться, невозможно спастись. Я надевала лямки рюкзака на плечи, когда услышала, как открылись массивные двери библиотеки. И, когда повернулась на этот звук, мои руки задрожали. Не хотелось мне оказаться лицом к лицу с Беком – я к этому не готова.

Он стоял и глядел на меня, его волосы были взъерошены, скомканную футболку Бек сжимал в руке, и как же глупо с моей стороны отвести глаза от его лица и окинуть взглядом тело. Бек вспотел, но это ничуть не умаляло его привлекательности. Черные шорты сидели низко на бедрах, и я позволила себе вспомнить, как он выглядел, когда между нами ничего не было. Ничего, кроме его секретов и лжи.

– Что ты делаешь тут? – Бек смотрел на меня так пристально, что я чувствовала – он наблюдает за каждым моим движением.

– Это библиотека, Бек. – Я взяла со стола одну из своих книг. – Я здесь занимаюсь.

Он посмотрел в окно, как будто пытался представить себе, что я могла видеть, когда они тренировались. Понятно: ему известно, что я наблюдала за ним, даже если я никогда в этом не призналась.

– Ты избегаешь меня, – сказал он так, словно это удивляло его, будто он не ожидал, что я стану избегать парня, который сломал меня.

– В самом деле? – Я наклонила голову набок, уставясь на его рот и чувствуя, как неистово бьется мое сердце. – Я тебя даже не замечала.

Он сделал шаг ко мне, и в его глазах вспыхнул гнев. Я инстинктивно попятилась, ударившись бедром о стул, и скрежет его ножек об пол прозвучал в тишине особенно громко. Несколько учеников, находящихся в библиотеке, повернулись к нам, и я поморщилась.

– Извините, – прошептала я и опять повернулась к Беку.

Он смотрел на меня, анализируя каждое мое движение, и я остро чувствовала на себе его взгляд. Мне не следовало позволять ему такое. Бек сделал шаг ко мне, такой маленький, почти незаметный, но я все же увидела.

– Думаю, нам надо поговорить.

– А я думаю, что ты спятил.

Я отвернулась от него, чтобы не сделать какую-нибудь глупость и не слушать то, что он хочет сказать. Я двинулась к двери библиотеки, чувствуя, что он наблюдает за каждым моим шагом.

– Так в чем же состоит твой план? Ты собираешься просто игнорировать меня и делать вид, будто тебе известно, что произошло? – Его голос был полон яда, и я развернулась так быстро, что ударилась об него.

– А что я, по-твоему, должна делать? – Моя грудь вздымалась и опускалась, упираясь в него, но я не желала отступить. Если он хочет это сделать, то пожалуйста, и ему придется воочию наблюдать все чувства, отражающиеся на моем лице.

– Я видела эту запись, Бек. И, по-моему, ясно, что произошло.

В его глазах вспыхнул гнев, и сейчас они казались скорее зелеными, чем карими.

– Я не постил это видео.

Какая брехня! Я не понимала его жестокости. Его план с самого начала был таким. Получил именно то, что хотел, а теперь попытается выкрутиться. Он стоит здесь и лжет мне в лицо, как будто он вывалил на меня недостаточно лжи.

– А кто же это сделал? – Я раскинула руки. – Неужели это Лукас последовал за нами в загородный клуб и спрятался, чтобы снять нас? Неужели ты хочешь, чтобы я поверила в это?

– Нет. – Он покачал головой. – Это видео действительно отправил я.

Я сощурила глаза, слыша биение сердца в моих ушах.

– Я взял его с камер видеонаблюдения клуба – это в самом деле сделал я.

– Значит ли это, что я должна поверить, будто ты невиновен? – Я немного отступила назад, но он схватил меня за руку, чтобы не дать уйти. Его прикосновение было жестким и теплым, и я понимала, что веду себя как дура, но ощущение его кожи под моей рукой повергало меня в шок. Похоже, этого мне будет не хватать. Я не имела права так реагировать, но мне не хотелось упускать что-то, касающееся Бека. Мне не следует скучать ни по его прикосновению, ни по его улыбке, ни по тому, как его теплый дымный запах окутывал меня, когда он был рядом.

– Нет, меня нельзя назвать невиновным. – Его рука сжала мою еще крепче. – Я не тот парень, который тебе нужен.

Я попыталась вырвать руку из его хватки, но он не отпустил ее.

– Мне ничего от тебя не нужно.

– А вот и нет, тебе много чего нужно от меня. – Он был так уверен в себе. Его слова звучали твердо и безапелляционно: – А ты нужна мне.

Я замерла. Как он смеет так говорить со мной?

– Это никогда не повторится. – Я махнула рукой. – Ты сошел с ума.

– Я не постил это видео. – Он провел рукой по своим волосам, и в его взгляде отразилась досада.

– Плевать! – завопила я, и он потащил меня в глубь библиотеки. Но мне все равно, кто нас слышит и кто глазеет. – Ты отнял у меня все.

– Это не так. – Он выглядел таким потерянным, говорил быстро, но, что бы он ни сказал, это не могло отменить того, что он сделал. – Я разработал свой план до того, как познакомился с тобой.

– И что же, по-твоему, от этого мне должно стать лучше? – Я вырвала руку и толкнула его в грудь, но он не сдвинулся ни на дюйм. – Просто оставь меня в покое, Бек! Ты утер нос Лукасу, доказал, что тебе под силу переплюнуть его. Ты же этого хотел, не так ли?

Он ничего не ответил, а что он мог сказать? Именно этого он и хотел. Он добивался меня только затем, чтобы отомстить Лукасу. Если то, что он сказал, правда, то он добился меня для того, чтобы сделать со мной то, что Лукас сотворил с его сестрой и что так взбесило Бека. Но я позволила ему это сделать, я жаждала этого сама и была готова отдать ему все, не задавая никаких вопросов.

– И ты получил именно то, чего хотел.

Он придвинулся ближе ко мне, и моя спина уперлась в высокий книжный шкаф.

– Это не то, чего я хотел. – Его глаза скользнули по моему лицу. Он явно растерян, не уверен в том, чего он хочет, и в том, что он делает, и я так же растеряна, как и он. – Прости меня.

– Твое извинение ни хера для меня не значит.

Но я знала, мой взгляд говорит, что это не так, и, как бы мне ни было от этого тошно, его извинение действовало на меня. Оно сбило меня с толку, смешало все в моей голове, и, скорее всего, именно таким и был его план. Я для него всего-

навсего игрушка, и он воспользуется любой возможностью, чтобы обмануть меня. И ему неважно, что он уже столько всего разрушил. Ему все неважно. Теперь я видела это. Бек заботился о своей мести и только о ней. Я всего-навсего жертва войны, которую он вел.

– Чего ты хочешь от меня? – Я вгляделась в его лицо, сжав зубы и пытаясь не высказать все, что крутилось в моей голове. – Тебе что, нужно еще одно видео?

Мое сердце бухало, но это было так не похоже на его неистовое биение, когда я была с Беком прежде. Теперь мною владел гнев. Именно гнев питал все то, что я думала и говорила.

Я сняла с плеч рюкзак и бросила его на пол, затем, не раздумывая, подошла к нему и увидела, как его зрачки расширились, когда я опустилась на колени.

– Что ты делаешь? – Он сжал мое предплечье, пытаясь поднять меня с колен, но я высвободилась из его хватки.

– Разве это не то, чего ты хочешь? – Я, моргая, посмотрела на него и склонила голову набок. – Тебе же была нужна всего-навсего шлюха, да?

Он чуть слышно выругался, и я опустила дрожащую руку на его бедро. Я понятия не имела, что делаю, но я не позволю ему вести себя так, будто он забыл, кем он пытался представить меня. Если он хочет обходиться со мной как со шлюхой, то ему надо напомнить, что я именно такая.

– Встань, Джози! – Он схватил меня за руку и дернул вперед. Мои колени заскребли по жесткому ковру, но я не встала. Он не сможет решать, когда, по его мнению, мне надо быть шлюхой, а когда нет.

– Нет! – Я протянула руку к его шортам, но он шлепнул по ней. Его рот был разинут, пока он смотрел на меня, и я знала, что мне нужно испытывать смущение или беспокойство от того, что с нами происходит, но не чувствовала ни того ни другого.

Меня очень обрадовала неловкость, ясно читаемая на его лице. Он так привык быть хозяином положения, он всегда к этому стремился, но теперь случилось

иначе. Если он хотел надавить на меня, то вот девушка, которую он получит. Я не желала давать ему какую-то часть себя настоящей.

– Я не позволю тебе это делать. – Он схватил меня за плечи. – Давай вставай!

– Почему не позволишь? – Я чувствовала, как слезы щиплют мои глаза, и ужасно злилась на Бека. – Ты вернулся к девушке после того, как обманул ее, и хочешь заставить ее поверить, будто ты не подонок? – Он потянул меня вверх, я провела ладонью по его члену и поразилась тому, как он тверд. – И теперь она снова сосет твой член?

– Господи, Джози! – Бек оглянулся, но рядом никого не было. Во всяком случае, я никого не видела. – Я же пытаюсь извиниться.

Я прижала руку к его члену и резко втянула в себя воздух, когда он прикусил нижнюю губу. Как легко поверить тому, что он говорит, и попросить его о большем! Но я не могу.

Я придумала оправдание для своей прежней глупости, но еще раз я в это не влезу.

– Побереги дыхание, Бек! – Я прижала к нему руку еще крепче, его член уже буквально выскакивал из шорт. Я чувствовала свою силу, потому что Бек смотрел на меня, часто дыша, широко раскрыв глаза и разинув рот, будто умоляя придвинуться к нему еще ближе. – Мне плевать, что ты хочешь сказать!

Я отодвинулась от него и подобрала свой рюкзак, прежде чем он меня остановил. Он молчал, когда я пошла прочь. Но я чувствовала на себе его взгляд. Внимание Бека сосредоточено на мне, хотела я того или нет, и хуже всего то, что я действительно этого хотела. Его внимание давало мне силу, которая мне нужна, чтобы пережить то, что произошло. Силу, в которой я нуждалась, чтобы заставить его заплатить за то, что он сделал.

Но я понимала, что эта сила преходяща. Бек мог включить свою власть надо мной на полную мощность в любую минуту – и я сломалась бы. Он имел надо мной куда больше власти, чем я признавала даже после того, что произошло.

Я и сейчас ловила каждое его слово, каждый взгляд и не знала, как прекратить, что сделать, чтобы было все равно. Все это – туфта для него, но не для меня. И теперь мне надо напомнить себе, что ничего из того, что я чувствовала, не было настоящим.

Мне надо просто забыть Бека и не беспокоиться из-за того, что он думает или какие чувства он внушал. Мне хотелось все забыть. Я достала телефон и написала сообщение Элли:

«Ты была права. Давай чем-нибудь займемся вечером».

Глава 4

Бек

Я понятия не имел, что делаю. Олли и Карсон уговорили меня принять участие в этой гребаной вечеринке, но я знал, что не хочу находиться здесь. Было только одно место, куда я хотел попасть, – рядом с ней.

После того, что случилось сегодня, когда я увидел ее на коленях передо мной, я не осознавал, что делаю. Она сводила меня с ума.

Я понимал, что это нечестно и что я поставил нас в такое положение – заставил ее ненавидеть меня, но как же тошно, что мы дошли до жизни такой.

Я сделал нас врагами, хотя никогда не испытывал ненависти к ней. Я ненавидел то, что она олицетворяла: ее семью и фамилию. Я по-прежнему их ненавидел, но не ее – она совершенно другая.

Но прежде чем это понять, я испортил все. Мне понадобилось все запороть, чтобы осознать это.

– Ты так и будешь весь вечер сидеть и дуться? – Олли плюхнулся на диван рядом со мной, и я наконец отпил теплого пива.

– Эта вечеринка просто отстой! – Нет, эта вечеринка не отличалась от всех прочих, но присутствующие здесь мне уже неинтересны. Плевать, что они пьют, как прошел их день, кто кого трахает. Меня тут интересовали только два человека – Олли и Карсон, – а до остальных мне нет дела. Они всего лишь шум, который наполнял мою жизнь, до того как я познакомился с ней.

Олли ткнул меня в плечо и, ухмыльнувшись, протянул мне свой телефон. Он тоже держал в руке пиво, но я видел, что он не пьет. Карсон ушел делать селфи со всеми встречными-поперечными, а Олли был слишком ответственным парнем, чтобы позволить нам троим напиться в хлам.

Он всегда был ответственным, но особенно – после того, что случилось с Фрэнки. Наверное, он чувствовал такую же вину за то, что случилось с ней, как и я сам. То, что сделал Лукас, нанесло ему непоправимый удар, и я понимал его чувства.

Я думаю, ему было больно, что он верил Лукасу до того, как тот повернулся к нам спиной. Лукас подло обманул наше доверие, и Олли никогда этого не забудет.

– Что это? – Я кликнул по его телефону и начал смотреть сториз в инстаграме, которую он загрузил, взяв из аккаунта одного из игроков бейсбольной команды старшей школы Клермон-Хая, который развлекался с друзьями. Зачем Олли показывает мне это? Мне нет до этой вечеринки никакого дела, как и до той, на которую мы пришли.

Я уже хотел отдать телефон Олли, когда началось следующее видео, и я увидел Джози на заднем плане – она смеялась чему-то с Элли. Я понятия не имел, над чем она смеется и кто рядом с ней помимо Элли, но почувствовал, как у меня вскипела кровь.

Я был здесь, а она там, это невыносимо: у всех есть доступ к ней, они видели то, что должен был видеть только я, – как она выглядела, когда извивалась подо мной и просила еще.

Это моих рук дело, моя вина, но мне было тошно. Они не должны иметь возможности видеть ее такой. Эта возможность, эта привилегия – только мои. Но я дал им эту привилегию, отняв ее у Джози. Я выставил ее напоказ, и та небольшая часть ее, которую она отдала мне, безнадежно осквернена. Я отдал Олли телефон и встал.

– Куда ты? – Судя по его тону, он ожидал, что после того, как он показал мне это видео, я останусь сидеть сложа руки, но как бы не так!

Я повернулся к нему:

– Ты знаешь куда.

Олли быстро встал и поставил свое пиво на стол.

– Ты же даже не знаешь, где это.

Он прав, но мы знали всех игроков этой чертовой бейсбольной команды, и я мог легко выяснить, где они находились. Если она вышла в свет и перестала прятаться дома, то мне необходимо оказаться рядом с ней.

Джози наверняка этого не хочет, поэтому она там, а не здесь. Впрочем, я и не ожидал, что она придет. Я и раньше видел, что на вечеринках она всегда чувствует себя не в своей тарелке, а я только усугубил эту неловкость.

Ей точно не место на нашем сборище, большинство из участников которого так же жестоки и эгоистичны, как и я. Правда, и среди присутствовавших на вечеринке Клермон-Хая очень немного тех, кто лучше. Пусть у них меньше денег и привилегий, чем у нас, но они тоже думали только о себе.

Граница между приготовительной и старшей школами обозначена четко, и большая часть учеников приготовительной школы в основном оставались по нашу сторону этой черты, но не она.

Когда она нашла себе работу в загородном клубе, мне следовало бы понять, что она нисколько не похожа на брата, но из-за своей ненависти к нему я не видел дальше своего носа.

– Я найду ее. – Пришлось стиснуть зубы, чтобы не сказать чего-то еще.

Олли считал, что мне лучше не иметь дела с Джози после всего, что я натворил. Я тоже это понимал.

Мой поступок ужасен и так похож на то, что Лукас сделал с Фрэнки. Я такое же чудовище и дрянь, но я не мог заставить себя держаться подальше от Джози. И это делало меня даже хуже, чем Лукас, потому что он больше не беспокоил Фрэнки.

Об этом позаботился я. Я добился того, что он не смел даже произносить имя сестры – я сделал это, раз за разом впечатывая в его рожу кулак. Я и сейчас помнил, каково это. Помнил, как хрустнул его нос, как по моим костяшкам текла его кровь, когда меня оттащили от него. Помнил я и страх в его глазах, когда я приближался к нему. Лукас понял, что я знаю, что он сделал, и деваться ему было некуда, уже не отболтаешься, и с тех пор я наслаждался этим воспоминанием каждый день.

Но я не мог сидеть на месте, зная, что она рядом с парнями, которые наверняка хотят ее так же сильно, как и я. И то, как я поступил, нисколько не уменьшило ее привлекательности для остальных. Да, мне ни в коем случае не следовало делать это видео, но какой же сексуальной она была на нем.

Я никогда не чувствовал такого возбуждения, как тогда, когда лежал между ее бедер, и мне не требовалось видео, чтобы помнить это. Те минуты и то, как она тянула меня за волосы и шептала мое имя, навсегда запечатлены в моем мозгу.

Это видео просто напоминало мне, что каждое ее движение, каждый дюйм ее тела были чистым искушением. И об этом благодаря мне узнали и остальные.

Вот об этом я думал, садясь в машину вместе с Олли и Карсоном. Карсон болтал без умолку, пока мы ехали на другой конец города, рассказывая о какой-то девчонке, которая сделала ему минет в туалете, но я его не слушал, потому что писал на телефон каждому из игроков бейсбольной команды школы Клермон-Хая, которого я знал. Когда я написал пять сообщений, их левый принимающий игрок сообщил, где они находятся. Я ужасно хотел спросить его, там ли еще Джози, но ни к чему лишний раз показывать кому-либо, какую власть она имеет надо мной. Хотя это и так станет очевидно, ведь на вечеринке я буду смотреть

только на нее.

– Ты уверен, что это хорошая мысль? – спросил Карсон, глядя в телефон. – Знаю, что ты без ума от этой девчонки, но отцы – ее и твой – убьют тебя.

– Плевать! – Мое колено ходило ходуном, и я чувствовал, что теряю рассудок. – Мне просто хочется увидеть ее.

– Карсон прав, – сказал Олли, – после того, что случилось, тебе стоит быть осторожным.

– Я не публиковал это гребаное видео, – прорычал я.

– Я тебе верю, но они-то нет, и это немудрено. Ты ясно давал понять, что ненавидишь Лукаса, и именно ты снял это видео. Так с какой радости кому-то верить, что запостил его не ты? – Олли смотрел на меня, пытаясь оценить мою реакцию, но мне нечего было сказать.

Я знал, что он прав, знал, что мне следует держаться от Джози на расстоянии и оставить ее в покое, но я не мог. Оставь я ее в покое, она продолжит ненавидеть меня. И я не смогу рассказать ей, что чувствую.

Перед домом, где проходила вечеринка, было полно машин. Элли припарковала свою старую «Хонду» прямо на улице. Если Элли тут, значит, и ее подруга тоже. Олли поставил мою машину за «Хондой», и мы вышли. В моей крови – не более унции алкоголя, но ощущение, словно я подшофе.

Когда я увидел Джози, меня охватила буря чувств. Я не мог выбросить из головы картинку, как она стояла перед мной на коленях и смотрела на меня. И не хотел когда-либо забыть это.

Она выглядела уязвимой и в то же время такой сильной. Это так ошеломляюще и притягательно. Мне следовало сразу же поднять ее с колен, но я не мог. Видеть ее перед собой, представлять, что она могла бы сделать, если бы мы не находились в этом гребаном месте, – это слишком.

Мне не следовало позволять ей этого делать. Я пытался выпросить у нее прощение за то, что, как я понимал, непростительно. Но у меня не получилось – она заворожила меня.

Из дома неслась громкая музыка, заглушая мои мысли. Мы толкнули слегка приоткрытую дверь: полно народу, все держат напитки и улыбаются.

Я оглядел толпу, разыскивая Джози. На всех остальных мне плевать, и неважно, что многие мне улыбались, когда я проходил мимо, кто-то пытался привлечь мое внимание. Но я проходил мимо – меня интересовала только Джози.

Я услышал ее смех еще до того, как увидел ее. Она стояла у длинного стола рядом с Элли, а у противоположного конца стояли Уилл и его дружки. Я попятился, увидев, как она улыбается ему. Она казалась такой счастливой и беззаботной, не будь я эгоистом, я ушел бы.

Уилл был из тех, кого можно назвать хорошими парнями. Он всегда нравился мне, но сейчас действовал на нервы. Я слишком часто видел Джози в его обществе, и всякий раз она улыбалась ему так, будто он что-то значил для нее. Она никогда не удостоила меня такой улыбки.

Да, она питала ко мне какие-то чувства, пока я все не испоганил. Надо быть полным идиотом, чтобы этого не заметить. Но сейчас она смотрела на Уилла, демонстрируя ямочку на правой щеке, и я знал: на меня она никогда не реагировала так, как на него. Она прекрасна смеющаяся, но мне очень нравилось видеть огонь в ее глазах, если она сердилась на меня.

Я не замечал такого огня в ее глазах, когда она смотрела на других. Его она приберегала только для меня одного, и хотя Уилл мог без труда вызвать улыбку у нее на лице, я по-прежнему считал, что какую-то часть себя она показывала только мне. Она дарила мне ее, даже не осознавая того. И от понимания этого я чувствовал себя еще большим эгоистом, варваром, ревниво охраняющим свою территорию, и знал: ей это не понравилось бы. Если я не буду осторожным, она постарается сбежать от меня еще быстрее, чем бежит сейчас, но мне казалось, что я не смогу оставаться с ней осторожным.

Похоже, эта часть меня, холодная и расчетливая, шла сейчас вразнос. Когда речь заходила о Джози, я не мог даже ясно мыслить, не говоря о том, чтобы что-

то планировать, и уж точно не мог самоустраниться и ждать, чтобы все обернулось так, как нужно мне. Когда речь заходила о ней, я чувствовал себя слишком иррациональным.

И неважно, что говорили Фрэнки или мой отец, или даже моя мать. Неважно, что Олли и даже Карсон считали, что это плохая идея. Я не мог держаться от нее в стороне.

Она выпила. Это видно по тому, как она покачивала бедрами в такт музыке, и по тому, что ей явно плевать на тех, кто ее окружал. Обычно она предпочитала делать вид, словно ей все равно, на самом деле это было не так. Все знали, чем мы с ней занимались, они видели своими глазами, и это наверняка напрягало ее. Ей не нравилось, что, по их мнению, раз они знали ее отца, то знали и ее, это не нравилось ей и во мне, но сейчас дело совершенно в другом.

Они увидели ее интимную сторону, которую она по своей воле ни за что им не показала бы, и я знал: она винит в этом меня. И я действительно виноват. И только это и имело значение. Но сейчас ей, похоже, нет до этого дела.

Джози взяла шарик для пинг-понга, опустила его в чашку с водой и прицелилась, чтобы бросить его в бокал с пивом. Потом улыбнулась Уиллу, и я так стиснул зубы, что мне показалось, что они вот-вот раскрошатся.

– Теперь это получается у меня уже лучше. – Она поддразнивала Уилла, и я увидел, как вспыхнули его глаза, когда он посмотрел на нее.

Уилл не какой-то там ублюдок. Он не воспользуется ею, но точно воспользуется моим косяком. Со мной Джози не хотела иметь никаких дел, а ему улыбалась. Он ни за что не упустит этого. Он был бы идиотом, если бы упустил.

– Да, лучше. – Он прислонился к столу и оперся руками справа и слева от бокалов с пивом. – Придется мне взять тебя в нашу бейсбольную команду. – Он подмигнул ей, и я невольно сжал кулаки.

Мое сердце неслось вскачь, пока я всматривался в ее лицо. Она была чертовски красива. Я смотрел на нее во все глаза, а она не видела меня. Она понятия не имела, что я здесь. Так странно видеть ее такой беззаботной.

– Что? Неужели вам всем нужна помощь в том, чтобы надрать задницу Беку? – Она подняла шарик выше с широкой улыбкой на лице, а я продолжал рассматривать ее. Да, она находилась с ним, но по-прежнему думала обо мне.

Уилл открыл рот, собираясь что-то сказать, но я опередил его:

– Уилл уже много лет не может надрать мне задницу.

Джози перевела взгляд на меня, и в них отразился шок. Ее беззаботность мгновенно улетучилась. Она не планировала увидеть меня. Она не хотела меня видеть. Каковы бы ни были ее планы на этот вечер, они не включали меня.

– Что ты тут делаешь?

Обрезанные очень коротко джинсовые шорты открывали ее длинные ноги, у нее был красивый загар – наверняка это заметил не я один.

– Тут же вечеринка. – Я обвел рукой комнату, в которой никто не смотрел на нас. Джози глядела на меня, прищурив глаза.

– Это не вечеринка приготовительной школы. – Она показала на дверь. – Думаю, твои ребята находятся на другом конце города.

– Мои ребята? – Я рассмеялся, потому что мы с ней были одним миром мазаны. Если на той вечеринке мои ребята, то их с тем же успехом можно назвать ее ребятами. Мы оба – продукты своих семей. – А я и не знал, что тебе присущ такой снобизм, принцесса.

– Не называй меня так! – рявкнула она, и несколько голов повернулось в нашу сторону.

В ее глазах снова горел огонь, которого мне так не хватало. Он горел не для Уилла и не для кого-то другого в этой комнате. Она направила его на меня, и мой член отвердел.

– Ты позволишь мне назвать победителя? – Я показал на стол с пивными бокалами, в которые она целилась. – По-моему, Уилл тебе поддается.

Джози выставила бедро.

– Вовсе нет. Но я не удивлена, что ты так решил, ведь ты такой мудак.

Стоящая за ее спиной Элли коротко рассмеялась, но я не отвел глаз от лица Джози и отметил, как разрумянились ее щеки после моего появления.

– Да, я так считаю. – Кивнув, я отлепил спину от стены. Ее тело напряглось при моем приближении, Я испытывал неодолимое желание обнять ее и попытаться загладить тот вред, который я ей причинил. – Но Уилл – самый меткий игрок в наших краях, так что победить его ты сможешь, только если он поддастся тебе.

Она взглянула на Уилла, я тоже. Он выглядел чертовски виноватым, но молчал. Мы оба знали, что я прав.

– Уилл, играй в эту гребаную игру! – Она ткнула в него пальцем, и я усмехнулся, потому что влюбленная улыбка, с которой Джози смотрела на него, сползла с ее лица.

Выдвинув стул, стоящий в нескольких футах от Джози, я сел. Она попыталась проигнорировать меня. Ее тело оставалось совершенно неподвижным, в то время как взгляд то и дело обращался ко мне, хотя она и делала вид, что не замечает меня. Я не мешал ей блефовать.

Я подался вперед, упершись локтями в колени, и провел пальцами по губам. Я мог бы хоть весь день сидеть здесь и смотреть, как она притворяется, будто не видит меня, лишь бы видеть ее, лишь бы она была рядом.

Со своего места я ощущал слабый аромат ее духов. Он смешался с запахами дешевого пива и табачного дыма, но для меня ее дивное благоухание заглушало, перекрывало все. Она перекрывала все.

Уилл и его партнер бросили свои шарики, и те без проблем попали в пиво. Джози посмотрела на меня, когда шарик Уилла угодил в цель, и я просто пожал плечами. Она закатила глаза, затем опять повернулась к столу, и я ничего не смог поделать ни с ухмылкой, расплывшейся на моем лице, ни с тем, как мой взгляд скользнул по ее заднице. Пусть она не желает иметь со мной никаких

дел, но это не значит, что я не могу смотреть на нее. Это сущая пытка – находиться рядом, смотреть на нее, но не иметь возможности касаться, как я хочу.

Мне хотелось подойти к ней и показать каждому из этих говнюков, что она моя. Даже если она так не считает, даже если я все испортил, это не могло изменить того факта, что так оно и есть. Джози – моя, и я готов делать все, лишь бы она снова начала так думать. Но ожидание – настоящая пытка. Мука мученическая. Уверен, что она насладится каждым мгновением моих мук.

Джози наклонилась, взяла со стола шарик, и она точно знала, как классно в этих коротких шортиках выглядит ее зад. Она нагнулась так, что показались ее ягодицы, и наверняка сделала это не случайно.

Зная, что я наблюдаю за ней, она делала вид, будто ей плевать. Но это не так.

Элли бросила шарик первой и не попала. Шарик полетел совсем не туда.

– Отличный бросок, Элли! – Карсон встал за моим стулом и оперся на него.

– Поцелуй меня в зад, Карсон! – Она скрестила руки на груди и отошла в сторону, чтобы Джози смогла сделать бросок. Элли очень привлекательная девушка, и я не настолько глуп, чтобы это не заметить. Не знаю, вызвано ли поведение Карсона по отношению к ней его сексуальной неудовлетворенностью, но этой парочке надо трахнуться и покончить с этим.

– Давай, принеси его сюда! – поддразнил Карсон Элли и поманил ее пальцем, но она только картинно закатила глаза и отвела взгляд.

Джози ни на кого не обращала внимания. Она держала шарик в руке, и было видно, что она сосредоточена. Ей не хотелось проиграть. Она мечтала выиграть и утереть мне нос, поскольку я сказал, что ей это не под силу. Какая она очаровательная и чертовски сексуальная!

Джози бросила шарик, и он ударился о край бокала. На мгновение мне показалось, что он попадет в пиво, но тот упал на стол и чуть-чуть подскочил. Джози стиснула челюсти, на скулах заходили желваки, она сделала шаг назад,

но не решилась взглянуть на меня.

Я продолжал наблюдать за игрой. Уилл попал в цель, как я и ожидал, а его друг подкачал. Им осталось поразить две цели, а девушкам – четыре. Элли бросила еще раз, но снова промахнулась. Карсону стоит поучить ее меткости, когда он будет с помощью секса избавлять ее от враждебности.

Джози взяла следующий шарик, но, прежде чем она бросила его, я встал и, быстро приблизившись к ней, встал за ее спиной. Ее тело напряглось еще больше, и она попыталась ткнуть меня локтем, но я перехватил его. Ее кожа словно была под напряжением. Теперь, находясь рядом, мы чувствовали себя более живыми. Я понимал, что это безумие, наверняка сейчас ей хочется одного – нокаутировать меня, но меня пронзило наслаждение, когда я опять ощутил ее близость.

– Давай я тебе помогу, – прошептал я, обращаясь к ее затылку, она отдернула руку, и я почувствовал гусиную кожу на ее предплечье.

– Мне не нужна твоя помощь, – прорычала она, и, будь я поумнее, я послушал бы ее. Но, познакомившись с ней, я не сделал ни одного умного шага.

– А мне кажется, нужна. – Я осторожно прижался грудью к ее спине и почувствовал, как тяжело она дышит.

Хотела она, чтобы я был здесь или нет, я действовал на нее как наркотик. Не имело значения, хорошо это для меня или плохо, и что, войдя во вкус, я уже не смогу остановиться. Впрочем, мне много не нужно – я готов довольствоваться малым.

– Тебе всегда кажется, что людям от тебя что-то нужно, да? – Она оглянулась, посмотрела на меня через плечо.

– Обычно так оно и есть. – И это чистая правда. Все вечно чего-то от меня ожидали, кроме моей семьи и друзей, хотя и у них имелись кое-какие ожидания.

– А я от тебя ничего не хочу. – Она все еще вглядывалась в мое лицо. Я понятия не имел, что она ищет. Возможно, правду или секреты, которые, по ее мнению, я

от нее скрывал.

– Ты мне нужна. – Я провел по ее руке ладонью, и она резко отстранилась от моего прикосновения и этих слов.

Джози не ответила и отодвинулась от меня по меньшей мере на фут. Я посмотрел через стол и увидел, что Уилл глядит на нас, пряча улыбку. Черт бы его подрал! Его и всех остальных на этой гребаной вечеринке.

Джози опять занесла руку, чтобы бросить шарик, и еще до того, как она сделала бросок, я понял, что она промахнется.

– Кто научил тебя так бросать? – спросил я, и она раздраженно уставилась на меня.

– Моя мать. – Она попыталась прицелиться опять. – Ведь я росла без отца, помнишь?

– Опусти локоть, – объяснил я ей и кивнул, когда она сделала, как я велел, – и не ограничивайся тем, чтобы выбросить вперед руку. Используй свое плечо.

Я продемонстрировал ей, как нужно действовать на своей руке, а она наблюдала. Джози слушала меня, и ее напряженные плечи немного расслабились. Она несколько раз попрактиковалась в этом движении.

– Давай! – Я сделал шаг назад, и она прицелилась опять.

Она взглянула на меня еще раз, прежде чем кинуть, и я готов был поклясться, что она хочет что-то сказать. Но она промолчала. А потом сделала бросок, следуя моим советам, и шарик попал в один из четырех бокалов.

Джози подскочила, пораженная тем, что у нее получилось, и, когда она улыбнулась мне, я почувствовал, что мое сердце готово вырваться из груди. Она заправила волосы за ухо, быстро отвела от меня взгляд, будто стыдясь своей оплошности, и я уселся рядом с ней.

Уилл и его друг победили, но после моего урока по технике броска она играла намного лучше.

– Ты сыграешь с победителем? – Джози повернулась ко мне и ткнула большим пальцем в сторону Уилла. Ей пришлось выпить слишком много пива из-за проигрыша, и я видел, что она немного подшофе.

– Нет! – Я покачал головой и откинулся на спинку стула. – Я хочу играть только с тобой.

Она сделала шаг ко мне, и ее колено ткнулось в мое. Не знаю, случилось это нечаянно или она сделала это нарочно, но мне захотелось обнять ее и притянуть к себе.

– Я могла бы сыграть еще раз. И победить тебя, раз уж теперь я умею бросать. – Она ухмыльнулась, и я понял, что она хочет достать меня.

– А ты не думаешь, что я лучше, чем Уилл? – Я выгнул бровь, но игривая улыбка сошла с ее губ.

– Нет! – Она покачала головой. – На мой взгляд, ты намного хуже.

Она права. Я в подметки ему не годился. Он подойдет ей как нельзя лучше. Такой парень, как он, хороший выбор, но меня это не устраивало.

– И все же сейчас ты разговариваешь со мной, а не с ним.

Она уставилась на меня, и я понял, что еще несколько секунд – и она повернется и уйдет. И велит мне убираться к черту.

– Прости! – Я подался вперед и взял ее за руку. Ее пальцы были вялыми, но я продолжал их держать. – Вести себя как засранец – это своего рода рефлекс.

– Это видно, – заметила она, но не отняла руки.

– Мы можем отойти и поговорить? – Я сжал ее пальцы и увидел, как в ее глазах отразилась неуверенность. Ей хотелось находиться рядом со мной, но ей так же

хотелось бежать от меня со всех ног.

– Не думаю, что это хорошая идея. – Она отвела глаза, затем ее взгляд вернулся ко мне.

Я вскинул свободную ладонь, будто защищаясь.

– Хочу только поговорить, обещаю.

Она прикусила нижнюю губу, и мне безумно захотелось ее поцеловать.

– У тебя есть три минуты. – Она показала мне три пальца и помахала ими перед моим лицом.

Что ж, три минуты, значит, так тому и быть. Она высвободила руку и пошла прочь. Я быстро последовал за ней, не представляя, куда она направляется, но она двинулась к задней двери, прежде чем я успел что-то спросить. На заднем дворе тусовалось несколько человек и было гораздо спокойнее, чем в доме. Внезапно я ощутил нервозность и почувствовал себя слабаком.

Я провернул свое дело с Джози без страха перед последствиями, но сейчас, глядя на ее печальные глаза и слегка растрепанные ветром волосы, я понял, что не могу это исправить.

У меня больше не появится такого шанса. Я не заслуживал этого момента, не заслуживал того, что она готова была мне дать. И хотя я понимал, что нам не стоит вести этот разговор, потому что она выпила, я боялся, что больше не получу такой возможности.

Джози скрестила руки на груди и уставилась на свои туфли.

– Я не понимаю, о чем ты хочешь говорить.

Мое сердце неистово забилось, когда она посмотрела на меня.

– Ты не дала мне возможности объяснить.

Она покачала головой, и я понял, что ей плевать, что я собираюсь сказать. Она не хотела слушать мои жалкие оправдания, и я не мог ее винить.

– Какое у тебя самое любимое воспоминание? – Я спросил ее о первом, что пришло мне в голову, пока она оставила меня стоять здесь как дурака.

– Что? – Она откинула волосы с лица.

– Твое любимое воспоминание, – повторил я и огляделся. Рядом не было никого, кто мог нас услышать. Я мог задать любой вопрос, и никто бы ничего не узнал.

– Тебя в нем нет. – Она фыркнула, и я рассмеялся.

– Я этого и не ожидал.

Она закатила глаза, подошла к большому дереву, растущему в центре двора, ткнула его носком туфли, затем повернулась ко мне: – Зато ты есть в моем самом нелюбимом воспоминании.

– Надо же! – Я потер рукой грудь. – Ты хочешь сказать, что среди твоих воспоминаний нет ничего хуже? Ни сломанных костей, ни особенно неприятных кишечных инфекций?

– Нет. – Она прислонилась к дереву и уставилась на меня: – Самое худшее – это ты.

Я открыл рот, но она быстро перебила меня:

– Я беру свои слова обратно. А то для тебя слишком много чести. Хуже всего видеть, как умирает мать.

Она произнесла это так бесстрастно, и я не представлял, как мне реагировать. Я мог справиться с ее ненавистью или нахальством, но не знал, как быть вот с этим.

– Мне жаль. – Я засунул руки в карманы. – Наверняка твое самое любимое воспоминание тоже связано с ней.

На ее лице появилась едва заметная печальная улыбка.

– Да, так оно и есть. Хотя это странно, ведь в нем нет ничего грандиозного.

– А о чем оно? – Необходимо, чтобы Джози продолжала. Она заговорила о матери, позабыв о ненависти ко мне, и я наконец-то мог вздохнуть свободно.

– Когда мне было десять лет, она устроила для меня и моих подруг дом с привидениями. Все было украшено лентами, вырезанными из черных пакетов для мусора, и висячими призраками, которым было, наверное, лет двадцать. – Она запнулась, но на ее лице по-прежнему играла улыбка. – Я сначала очень смущалась, но мои друзья были в восторге. Мама придумала для нас детективную историю с убийством, которое нам предстояло раскрыть, и к концу вечера мы были вне себя от страха.

Она смотрела на меня сквозь полуопущенные ресницы.

– Это глупо, да? Не таким должно быть любимое воспоминание.

– Ничего не глупо. – Я сделал маленький шаг вперед, и она напряглась. – По-моему, это замечательное воспоминание.

– Дело даже не в самом воспоминании об этом вечере, а в том, сколько усилий она в это вложила. Знаешь, я вела себя ужасно, потому что беспокоилась, что подумают мои подруги, а она так любила меня, что потратила столько сил, чтобы сделать этот вечер особенным.

Она посмотрела на длинные ветки дерева, и я тоже посмотрел туда, пытаясь посмотреть на мир ее глазами.

– Она всегда была такой, а я никогда не ценила ее.

Я знал, что, вероятно, все испорчу, но необходимо что-то сказать:

– Думаю, никто из нас не ценит то, что имеет, пока не потеряет это.

Она кивнула:

– Все это такая лажа, не так ли? А мы – это полный капец.

– Мы люди. – Я пожал плечами. Мы оба обмануты, особенно я. – Не накручивай, дай себе шанс.

– Ты хочешь сказать, чтобы я дала шанс тебе? – Она повернулась и посмотрела на меня.

Ее красивая шея манила, губы были полуоткрыты и просили поцелуя, но ведь Джози не моя. Я все испоганил и теперь у меня нет права это делать. У меня нет права касаться ее после того, что я сделал.

– Считаешь, что ты этого заслуживаешь? – В ее глазах горел огонь, она словно говорила мне: «Только попробуй на меня надавить». Она напрашивалась, но я не стану так делать. Я не потребую у нее то, что она не готова мне дать.

– Нет, не заслуживаю. – Я покачал головой, но продолжал смотреть ей в глаза. – Я только хотел, чтобы ты поняла.

Она фыркнула.

– Ты хочешь, чтобы я поняла, почему ты сделал домашнее порно со мной?

– Строго говоря, это не домашнее порно.

Она сузила глаза, и я решил продолжить объяснение:

– Клянусь, я не постил его. Знаю, это не делает меня невиновным, но я не хотел, чтобы его увидели все.

– Нет. По твоим словам, ты только отправил это видео моему сводному брату, чтобы он его посмотрел. Ты хоть понимаешь, какая это лажа, эти твои попытки заставить меня поверить, будто он так поступил со мной?

– Ты же веришь, что это сделал я.

– Ты записал это видео! – крикнула она, и несколько человек повернули головы в нашу сторону. – Даже если я поверю, что в Сеть его слил кто-то другой, записал то, что мы делали, ты. Я доверилась тебе, а ты подло обманул мое доверие.

– Знаю. – Я и правда это знал. Она права. Нет никаких оправданий тому, что я натворил. Никакие доводы не сделают меня меньшим злодеем просто потому, что не я поделился этим видео со всеми и каждым.

Я предал ее. Я впутал ее в мой гребаный план мести.

– Но ты так красив. – Она протянула руку и провела ею по моему подбородку, у меня пресеклось дыхание. Я был поражен ее словами. – Жаль, что ты так жесток.

Она наклонилась ко мне, и меня окутал ее аромат.

– Ты прекрасна! – Я сжал ее ладонь и прижал к своему лицу, чтобы не дать ей сбежать.

– Но недостаточно прекрасна.

– Не говори так. – От ее слов у меня похолодела кровь. – Почему ты так говоришь?

– Потому. – Она прижалась ко мне. И хотя мне было ясно, что нам не стоит ничего делать, я почувствовал, что ее прикосновение пьянит меня. – Это Кэми прекрасна.

Я взял ее за плечи и, отстранив, всмотрелся в ее лицо:

– Да, Кэми красива, но не так, как ты.

Она чуть заметно покачала головой, и я понял: она не верит тому, что я сказал. Я, гребаный идиот, заставил ее сравнить себя с Кэми – с той, которая ей даже в подметки не годилась.

– Но с ней ты так не поступил бы. – Она посмотрела на меня – в ее глазах плескалась боль.

Я недостоин ее прощения, но это не мешало мне хотеть ее.

– Я не должен был делать это с тобой. – Я отвел волосы, упавшие ей на лицо. – Я тупица.

Она провела рукой по моей груди, и ее ладонь, как магнит, притягивала к себе каждое чувство, на которое способно мое тело. Я не знал, что делать, не знал, что думать, когда ее рука накрыла мой затылок.

– Думаю, в таком случае мы оба тупицы.

Она встала на цыпочки, и по решимости в ее глазах, по тому, как слегка напряглось ее тело, а губы чуть приоткрылись, когда она придвинула их к моему лицу, я понял, что она собирается поцеловать меня.

Я молчал и едва мог дышать, не говоря уж о том, чтобы думать, но понимал, что не должен дать этому случиться. Чтобы получить шанс на прощение, я не позволю ей поцеловать меня просто потому, что мне кажется, что я без этого не проживу.

Я жаждал ее поцелуя, как наркоман наркотика, но он не принесет пользы ни мне, ни ей. Она пьяна и по-прежнему ненавидит меня. Завтра утром она вспомнит, что поцеловала меня, потому что я воспользовался тем, что она не могла мыслить ясно, и возненавидит меня еще больше.

Ее дыхание коснулось моих губ. Мы стояли так близко: достаточно придвинуться всего лишь на дюйм, и мы сольемся в одно целое. Хотелось податься вперед, поцеловать ее и не отрываться, пока она не поймет, что именно это ей и нужно.

Я не хотел отпускать Джози, надо убедить ее, что я ей сказал правду и что для меня не имеет значения ничего, кроме нас двоих.

Но этому не бывать! Она не простит меня просто потому, что я так хочу. Если я хочу, чтобы она меня простила, мне придется постараться.

Я подался вперед, чтобы не дать ей совершить безрассудство, и прижал губы к ее лбу. Она досадливо фыркнула, сжала мой затылок и попыталась притянуть мою голову к своей.

– Джози, перестань. – Я попытался мягко оттолкнуть ее, но она прильнула ко мне так, будто не хотела отпускать.

– Поцелуй меня! – Ее губы клюнули меня в щеку.

Все во мне требовало, чтобы я слегка повернул голову и слился с ней губами. Никто нас не видел, никто не обращал на нас внимания, и в эту минуту я мог заставить ее вспомнить, почему я ей понравился. Это было бы так легко. Мое тело трепетало от ее прикосновений, и я не хотел ее останавливать, против этого восставало все мое существо.

– Джози, ты пьяна, и я не хочу, чтобы это стало всего лишь твоей ошибкой.

Она отстранилась от меня, и я понял, что она раздражена. Ее глаза наполнились тем самым огнем, который я так любил, но к нему примешивалось столько боли – боли, которую я ей причинил. И мне было тошно от того, что сейчас я причиняю ей еще большую боль.

– Ты не хочешь меня поцеловать? – Она сделала еще один шаг назад. – Тебе это нравится только тогда, когда можно снять на камеру? Значит, вот как это работает, да? – Она показала на меня, потом на себя.

– Нет, разумеется, это работает не так. Но я не хочу использовать тебя и пользоваться твоим состоянием.

Она засмеялась, но в этом смехе не было ни капли веселья. Похоже, еще чуть-чуть – и она сорвется.

– Ты не хочешь использовать меня? Это что-то новенькое. Я думала, это и есть твое амплуа.

Я запустил пальцы в волосы и попытался придумать, что ей сказать. Она опустила руки и сжала кулаки, ее взгляд скользил по мне, как будто она искала,

куда ударить меня. Я не стану мешать, если так ей станет легче. Пусть бьет, пусть выместит свою злость, пусть делает все, что ей нужно, если потом она меня простит.

– Давай не будем делать это сейчас. Я пришел сюда не за этим.

Она придвинулась ко мне так быстро, будто ей не терпелось услышать мой ответ.

– Тогда почему ты здесь, Бек? Ты просто хочешь помешать мне хорошо провести время, да? Хочешь испортить все, что у меня есть?

– Конечно нет. – Я покачал головой и потянулся к ней, но затем передумал.

– Если ты не хочешь поцеловать меня, что ж, ладно. Я могу вернуться в дом и найти себе кого-нибудь получше, например Уилла. – Она повернулась ко мне спиной и пошла. От мысли о том, что сейчас она войдет в эту дверь и припадет роскошными губами к кому-то еще, меня охватила ярость. Сердце забилось в груди, как дикий зверек в клетке, я не контролировал себя – догнал Джози, схватил за руку и резко притянул к себе. Она шумно дышала, я слышал каждый ее вдох и выдох, пока она пыталась успокоиться.

Но я не собирался ее отпускать.

– Я не намерен дать тебе вернуться на эту вечеринку и поцеловать кого-то еще. Ни Уилла, ни какого-то другого парня. Ты моя, знаешь ты это или нет, и мне тошно от того, что мне нужно об этом напоминать.

Почему я заставил ее в этом сомневаться? Я явился сюда не затем, чтобы испортить ей вечер. Я так хотел просто увидеть ее. Но мой приход сюда – большая ошибка.

Сколько бы я ни пытался притвориться, будто я не эгоист и хочу как лучше для нее, нельзя дать ей вернуться на эту вечеринку и найти себе другого парня.

– Что за дерьмо! Не говори так, если ты не хочешь, чтобы я пошел туда и расквасил Уиллу морду. Я уничтожу его!

Ее бедра чуть шевельнулись, и я почувствовал, как она сжала ноги. Пусть она и ненавидела меня, но мысль о том, что она вывела меня из себя, сексуально возбуждала ее.

– Ничего я не твоя! – Она повернулась и уставилась на меня: – Меня ты уже уничтожил. Но ведь это в твоем духе, да? Ты с легкостью уничтожаешь людей.

Она права. Это действительно в моем духе. Я сломал ее и сделал больно сестре. Я разочаровал родителей, и все совершенно зря.

– Ты просто используешь других как тебе хочется, а потом, добившись своего, отшвыриваешь прочь.

– Ты думаешь, я хочу этого – отшвырнуть тебя прочь?

Я рефлекторно сжал ей руки выше локтей, и ее губы приоткрылись.

– А разве это не так?

– Нет! – Я покачал головой. – Я с тобой еще не закончил.

Она вцепилась в мои джинсы.

– Тогда докажи это, Бек.

Мне следовало совершить благородный поступок и уйти, дав ей возможность хорошо провести этот вечер с тем, с кем она хочет, но я не мог. И неважно, что я знал: это неправильно. Я наклонился и прижался губами к ее губам. Она застонала чуть слышно, но мне хватило и этого подтверждения.

Я запустил пальцы в ее волосы и припал к ее рту. Ее зубы поцарапали мою нижнюю губу, и я понял, что она не меньше моего хочет того, что происходит между ею и мной, что бы это ни было.

Я открыл рот, и ее поцелуй стал глубже еще до того, как я об этом подумал. Джози целовала меня так, будто жаждала этого с тех самых пор, как я обидел ее, словно пыталась стереть губами всю ненависть ко мне.

Она потянулась ко мне, вцепилась в мою футболку и подтянула меня к себе. Между нами не оставалось ни дюйма, и я видел, как ее переполняет желание.

– Бек, – прошептала она, и от моей выдержки не осталось и следа. Невозможно вести себя благородно, когда она вот так произносит мое имя. Я вообще не мог думать, не говоря уже о том, чтобы принять осознанное решение и отойти от нее.

Я прижал ее еще крепче. Наш поцелуй не был нежным, в нем участвовали в основном наши зубы и языки, и мы отчаянно пытались найти что-то друг в друге. И она и я забыли, что нам не стоит этого делать, страхи давно оставили нас, но я знал, что они вернутся после поцелуя. Ее ненависть возвратится, едва лишь ее губы оторвутся от моих, а я к этому не готов. Мне отчаянно хотелось продолжения. Пусть поцелуй длится бесконечно. Да, когда-то он прекратится, но я отчаянно оттягивал этот момент. Я пососал ее нижнюю губу, и она застонала, не отрываясь от моего рта.

Она прижалась ко мне бедрами, и я понял, что должен это прекратить, ведь это что-то большее, чем простой поцелуй. Мы не хотели останавливаться, нам было плевать на тех, кто находился рядом, но я знал, что зайти дальше – ошибка. Но я готов ее совершить. Что бы я ни натворил, как бы я все ни испоганил, знаю, что никогда не пожалею о том, что у нас было.

– Джози, – прошептал я, и это только раззадорило ее.

Она вцепилась в меня еще крепче, ее тело просило меня о продолжении, хотя она не произнесла ни слова. И я знал, что она их не произнесет. Джози не похожа ни на кого из семьи, но она унаследовала их фамильную гордость. Я обидел ее, и она ни за что не попросит меня ни о чем.

Если я прекращу поцелуй и оттолкну Джози, это причинит ей еще большую боль. И неважно, что так надо сделать, что это благородно – она точно возненавидит меня еще больше.

Я слегка нажал на ее плечи, и она прижалась ко мне еще теснее. Она знала, что я собираюсь прекратить это, хочу не совершить ошибку, которую мы оба готовы сделать, и для нее это так же невыносимо, как и для меня.

Ее поцелуй был полон отчаяния, тоски и напора, и мне показалось, что это прощание и когда мы остановимся, она больше никогда не поцелует меня. Но я должен обречь нас обоих на муку и прекратить безумие.

– Джози, нам надо остановиться.

Она наконец посмотрела на меня, оторвав свои губы от моих, и в ее глазах я увидел лютый гнев, к которому примешивалась капелька вожделения. Она сделала нетвердый шаг назад, и я протянул руку, чтобы не дать ей упасть. Она рывком отстранилась от моего прикосновения, отстранилась так быстро, будто хотела, чтобы я не касался ее никогда.

– Принцесса!

Я не мог просто позволить ей отойти, ведь она подумает, будто я прекращаю потому, что не хочу ее. А я хотел ее больше, чем что-либо прежде. Ее взгляд переместился на мои губы, затем она посмотрела мне в глаза:

– Не называй меня так!

– Успокойся! – Я огляделся и заметил пару человек, которые глазели на нас, и попытался еще раз коснуться ее. Мне следует униженно молить ее о прощении, но в ней было нечто такое, что я разозлился не меньше, чем она. Да, я не прав, я все испортил, но она не желала дать мне шанс объяснить. И от ее поцелуя, от ее близости я хотел ее еще больше.

Если она хочет, чтобы я ушел, я уйду. Но я не верил, что это то, чего она хочет. Только не после того, как ее тело так страстно прижималось к моему, как ее губы так жадно касались моих. Мы оба хотели друг друга, но наше желание не имело значения.

Сейчас, глядя на меня, она видела только одно – то, что я сделал с ней. Я предатель, злодей. Она, хоть и хотела меня, ненавидела меня еще сильнее.

– Не смей успокаивать меня. – Она засунула руку в передний карман джинсов и попятилась. – Это никогда не повторится, подобного никогда не произойдет.

– А вот и нет, произойдет!

Мои слова разозлили ее, но это правда: как бы она ни ненавидела меня, это точно произойдет опять. Если бы я в это не верил, то не знал, что делать.

– Нет, Бек, не произойдет.

Она отвернулась и пошла было прочь, но потом вдруг остановилась и снова повернулась ко мне. Она ткнула пальцем в мою сторону, в ее глазах пылал гнев.

– Ты больше не можешь решать. В том, что касается меня, ты потерял все права.

Да, это так. Мне следовало бы кивнуть, согласиться с ней и промолчать. Но я зашел уже слишком далеко, чтобы вести себя рационально. Я хотел поговорить с ней с тех самых пор, как все произошло, а она просто впилась в мой рот, после чего я не мог мыслить ясно и едва ли мыслил вообще.

– Это ведь не я тебя поцеловал, не забывай! – Я запустил пальцы в волосы и попытался подумать, что я, черт возьми, делаю и что говорю. – Я пришел сюда не затем, чтобы тебя целовать.

Она часто заморгала, и я понял, что сказал что-то не то.

– Тогда зачем ты здесь, Бек? – Ее тон был резок и полон боли. – Если ты не хотел меня целовать, то зачем ты явился сюда и напряг меня, когда я хорошо проводила время с Уиллом? Этого ты и хотел? Испоганить мне вечер?

– Поверь мне, я хотел тебя поцеловать.

Она картинно закатила глаза еще до того, как эти слова слетели с моих уст.

– Ты думаешь, я помышляю только об этом? О том, чтобы ходить по вечеринкам, ища способа испортить тебе вечер?

Конечно, я искал ее, но не хотел, чтобы дело приняло такой оборот. О чем я думал, чего ждал? Понятно только одно: больше ни минуты я не выдержу вдалеке от нее.

– Значит, вот зачем ты здесь, да? Элли говорила мне, что ваши ребята никогда не ходят на вечеринки Клермон-Хая.

– Поэтому ты сюда и приехала? Думала, что здесь не будет меня?

Эта мысль разозлила меня куда больше, чем следовало ожидать, хотя логично, что она игнорирует меня. На ее месте я тоже игнорировал бы себя, но в моих чувствах нет ничего логичного.

Она переступила с ноги на ногу и уставилась на меня с тем самым огнем в глазах, который, как я уже знал, мог быть как раем, так и адом.

– Чего ты вообще ожидаешь от меня, Бек? Неужели ты действительно думаешь, что после случившегося я поверю хоть чему-то из того, что ты скажешь?

Конечно нет. Она опять права, но я все равно зол на нее – за то, что она сидит у меня в печенках. За то, что мой план вышел боком, потому что она такая, какая есть. Я злился, что мой план все же дал желаемый результат, хотя я спасовал и захотел отыграть назад.

И отнюдь не потому, что ее отец, как мне было известно, был вне себя. Благодаря Лукасу все ребята в нашей команде обсуждали, станет ли ее отец выдвигать обвинение против меня. Плевать, сделает он это или нет. Ее отец был гребаным ублюдком, и пусть он только попробует уничтожить меня. Я желал, чтобы он сделал такую попытку. Если ему хватит наглости подать на меня в суд после того, что Лукас сделал с Фрэнки, я с удовольствием разберусь с последствиями.

Единственным последствием для Лукаса стало то, что я расквасил ему морду. Других не было.

– Черт! Я не знаю, чего хочу.

– Вот именно. – Она махнула рукой. – Ты сам не понимаешь, что ты делаешь, Бек. Я не какая-то там игрушка, которую ты можешь использовать всякий раз, когда Лукасу и тебе захочется помериться длиной членов.

– Мой приход сюда никак не связан с Лукасом.

– Напротив, связан, и еще как. Только из-за него ты и заварил всю эту кашу. Из-за него ты заговорил со мной на том чертовом пляже.

Я сделал шаг в ее сторону, но остановился, когда она вздрогнула – почти незаметно, но я это увидел.

– На пляже я понятия не имел, кто ты. Я не знал, что ты принадлежишь ему.

– Я ему не принадлежу! – завопила она, и мое сердце забилось в груди, как боевой барабан. – Я никому не принадлежу.

Я покачал головой. Она ошибалась. Она так ошибалась!

– Ты моя, ты принадлежишь мне.

Она засмеялась, запрокинув голову.

– Я позволила тебе трахнуть меня, Бек. Я не просила тебя жениться на мне.

Ее слова казались мне такими неправильными. Да, мы с ней трахались, но дело было куда в большем. Бог ты мой, я взял ее девственность, что уж тут говорить.

– Не говори так!

– Не говорить что? – Она подошла ко мне, и мне было насрать, кто смотрит на нас, что они слышали и что подумают. – Или ты хочешь сделать вид, будто мы с тобой не трахались, если ты не заснял это на камеру?

– Разумеется, нет.

Я сжал ее руку повыше локтя, и мне отчаянно захотелось прижать ее к себе и никогда не отпускать. Но я знал, что в конце концов мы окажемся там, где находились несколько минут назад. Мы двое словно ходили вокруг друг друга кругами, ходили по спирали, которой не было конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rene_holli/padenie-bozhestva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити